

Александр Холин

ЛИК АРХИСТРАТИГА

Александр Холин
Лик Архистратига

«Автор»

2014

Холин А. В.

Лик Архистратига / А. В. Холин — «Автор», 2014

Действие романа разворачивается в Крыму, куда приехала москвичка, художник-реставратор, в поисках пропавшего сына. У неё была информация о том, что следы пропавшего мальчика можно отыскать в одной из множества крымских пещер, недалеко от Коктебеля. Героиня рассказывает своему знакомому, что над пещерой должно быть скальное изображение ритуальной маски, которая каким-то образом умеет искривлять пространство и все археологи, кто работал с такой маской, становятся путешественниками во времени. Но дары маски на этом не кончаются. Каждый реставратор либо лишается рассудка, либо жизни. Девушка рассказала о том, как профессор медицины пытался как-то раз поработать с ритуальной маской, которую привёз из Тибета русский писатель, но из этого ничего хорошего не вышло. Как же найти исчезнувшего сына? Оказалось, следы мальчика надо искать в Гохране там, где хранится маска. Несколько археологов вызвались помочь девушке, но тоже становятся путешественниками во времени по разным странам и эпохам. Найдётся ли мальчик?

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Холин

Лик Архистратига¹

(криптографический детектив)

...Невозможно соединить в себе знаменитую «мудрость змия» с «голубиной кротостью», если не познать до самых глубин природу самого зла. Без этого у добродетели не будет надёжной защиты. Более того, честный и порядочный человек никогда и никоим образом не сможет исправить и перевоспитать бесчестных и дурных людей, если сам он прежде не исследует все тайники и глубины зла.

Френсис Бэкон

Абсолютная справедливость так же недостижима, как и абсолютная истина; но справедливый человек отличается от несправедливого своим стремлением к справедливости и надеждой достигнуть её, как праведный от лживого своей жаждой истины и верой в неё.

искатель вековой истины

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Рашидка! Рашидка! Долго нам ждать прикажешь? – раскатился по летней деревянной пристройке к придорожному ресторанчику русский голос с татарским акцентом круглолицего лысого мужчины. – Ты что, поросячий хвост, голодом нас заморить вздумал!

– Ну, что вы, Мусса, нельзя же так! – пыталась утихомирить круглолицего мужика девушка, сидевшая с ним за одним столиком. – Это хорошо, что владелец ресторанчика ваш знакомый. Это здорово, что он умеет готовить. А вам нет, чтобы порадоваться за друга, у которого клиентов – хоть отбавляй! Значит, дела идут хорошо, значит, всё, как надо получается. Так вы вместо этого – «голодом заморить!» – да мне и кушать не очень-то хочется. Я с вами просто за компанию, поскольку вы бесплатно вызвались отвезти меня в Коктебель. Нужно же вам хоть чем-то заплатить. Ведь в нашем неприятном мире всегда за что-либо платить приходится. Или я не права?

– Вот и плати, – усмехнулся мужик, вытирая лысину чёрным в белый горох носовым платком. – Ты, красавица, должна откушать бешбармак. Это и будет твоя расплата. Мне другой никакой не надо, не уговоришь! А так, как мой друган готовит – нигде не найдёшь! Я пока домой вернулся, на своём «Цундапе» пол-России исколесил, нигде ничего похожего нет, и навряд ли будет. Даже в Уфе ничего похожего.

– А что, Уфа – это бывшая или будущая столица для отмечающих праздник живота? – улыбнулась девушка, отхлебнув между делом заранее доставленный официантом лимонный коктейль.

– Ай, не столица, знаешь. Но лучше вашей Москвы, это точно. Там чужих нет, – твёрдо заверил её Мусса. – Вот ты, Наташка, говоришь, что любишь свой город. Говоришь, это твой дом. А чужих у себя в доме просто не замечаешь! Или просто не хочешь видеть?

– Выходит, я у вас в Крыму тоже чужая? – скривила губы Наташа. – При таком рассуждении никуда со своего двора показываться нельзя.

– Э-нет, коя барасем, – замахал обеими руками Мусса. – Ты – своя, русская.

Рашидка татарин – свой, русский. Я – татарин, но тоже русский. Даже в паспорте у меня и у него в графе национальность написано «татарин». А ты погляди в свой московский паспорт.

– И что?

– Как что?! – удивился татарин. – В новом русском паспорте у всех вас вместо графы национальность стоит слово «код» и дальше номер, будто ты не человек, а заключённый под номером таким-то. Этой отметины для русских только чужие и добивались!

– А кто же всё-таки чужие? – удивилась девушка. – Можешь объяснить?

– Чужие, – Мусса на секунду задумался, – они тоже русские, но чужие. Вот хотя бы Лейба Бронштейн, американский миссионер, чужих в страну толпами завозил. А сейчас чеченцами Москва забита – они там тоже чужие. Тут уж московский мэр Лужков постарался. Кстати, он тоже чужой, потому что не моргнув глазом продаёт столицу направо и налево.

– Это вы зря так про чеченцев, – вступилась Наташа. – В Москве чеченцев очень уважают. Например, Хасбулатов в конце прошлого века долго спикером был в Государственной Думе. У меня подруга Ленка даже замужем за чеченцем была.

– Была? – хохотнул Мусса. – Вот тебе и весь сказ.

– Да что вы прицепились? – не сдавалась Наташа. – Да, была! Но целых десять лет – а это не малый срок. И среди русских сплошь да рядом разводы бывают, ну и что? Недаром мужчины свою половинку очень долго ищут, а иногда и не находят вовсе.

– Среди наших русских всякое бывает. А я вот по соседству с чеченцами в Казахстане с детства вырос, – Мусса даже поднял вверх указательный палец. – Вырос и знаю кто они и что они. Мои родители там в ссылке были. Но я потом всё же домой подался, в Крым, где

хохлов понабилося – не продохнуть. Я хоть татарин – но русский. А чеченцы к вам в столицу кинулись. Они её ещё в Москвабад не переименовали?

– Ну и что? – не понимала Наташа. – У нас и других национальностей полно, при чём тут чеченцы?

– А то, – терпеливо продолжал пояснять татарин. – У твоей подруги ребёнок от чеченца есть?

Наташа молча кивнула головой, достала из нагрудного кармана джинсовки пачку «Лаки страйт», закурила и ожидающе уставилась на татарина.

– А то, – продолжал тот свою железную логику. – У них в семьях жён бросать запрещено законом. Это не то, чтобы ваххабитство какое, а семейный закон у них такой. Так вот. Если чеченец бросит жену и к тому же с ребёнком, он получает от старейшин проклятие до третьего колена. Смекаешь? Джигит сразу становится выродком без возможности что-то исправить. А ты говоришь, «уважают». Даже «очень уважают». Они-то как раз становятся чужими Бек-Бен-Ханазундерами. И в таких превращаются люди любой национальности, если молятся Золотому Тельцу. А любому такому Беничке – где есть Телец, там и родина. Ты в бочку с дерьмом Тельца засунь, так чужой и туда за ним влезет. Спроси у мужика своей подруги, когда он последний раз в храме был?

– Ой, можно подумать, вы регулярно мечеть посещаете, – ядовито усмехнулась Наташа.

– Не регулярно. Каюсь. Но раза два в месяц по пятницам – это как пить дать.

Мусса встал из-за стола, снял кожаную куртку и повесил её на спинку стула, потому что официант принёс и поставил на столик две глубокие глиняные миски, разрисованные затейливым орнаментом, наполненные татарской едой, приготовленной чудо-поваром Рашидом. Невдалеке от ресторанный веранды сновали разного калибра автомобили и один раз очень низко в сторону Севастополя пролетел вертолёт. Но внешний мир несколько не интересовал остановившихся отобедать в «Гаечном ключе», где хозяин сам с удовольствием готовил для гостей.

– Ой, правда вкусно, – отметила девушка, отведав сначала осторожно, а потом всё больше увлекаясь поглощением национального кушанья.

– Нравится? – обрадовался Мусса. – Э, а мне как нравится! Такой бешбармак может только Рашидка приготовить! Нигде и никогда такого во всём Киммерийском уезде ты не попробуешь!

– Каком уезде? – с набитым ртом спросила Наташа.

– Киммерийском! – повторил её собеседник. – Э-э-э, да ты ничего про Киммерийское царство не слыхала?

– Нет, – засмутилась девушка. – Это далеко отсюда?

– Вах-ме! – поднял руки к небесам Мусса. – Мы с тобой уже целый час по земле киммерийской колесим! Это предки наши. И предки скифов. Они всегда с атлантами воевали. Атлантида в нынешнем Мраморном море была. Там и затонул остров, поскольку атланты только Мамоне поклонялись. Вот и получили то, что выпрашивали. Надо правильному Богу верить!

– Значит, вы говорите, у верующих всегда всё в порядке, а у тех, кто Мамоне кланяется и дела не идут, и жизнь не клеится? – ядовито вернулась Наташа к разговору. – Значит, будь я мусульманкой – у меня всё тип-топ получилось бы?

– Э-нет, – возразил татарин. – Мусульманка, христианка – что чепуху мелешь? Бог – не фраер, правду видит. И Бог один у нас. Ты знаешь?

Наташа утвердительно кивнула. В баре ресторана заиграла музыка, но она несколько не мешала увлекательной беседе познакомившимся в Крыму людям. Ведь ничего не случается просто так. Даже Атлантида просто так не погибла бы.

– Ты сама в церкви бываешь? – поинтересовался Мусса.

– Не часто. Примерно так же, как и вы, но только по воскресеньям.

– Э-нет, – отрезал Мусса. – Бог один. А у каждого к Нему своя дорога. Вот если лживый человек исповедует Истинную религию, то Господь в гнев своём делает эту религию ложной, а если искренний человек исповедует ложную религию, то Господь Бог по милости своей великой делает ту религию Истинной. Я правильно выражаюсь?

– Ещё как! – согласилась Наташа. – Да вы, Мусса, с такими успехами скоро религиозным философом станете. Не удивлюсь, если через пару лет в Крыму объявится новый миссионер или даже пророк.

– С такой женщиной, как ты, – парировал он, – не только пророком, а орлом станешь. Но я уже женат, к сожалению. С другой женщиной мне уже невозможно. Я правду говорю.

При этих словах Наташа поперхнулась, закашлялась, и татарину пришлось даже похлопать девушку по спине.

– Неужели ни разу не изменял?! – спросила она, и глаза её при этом изумительно засверкали.

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил татарин.

– Так ведь у вас многожёнство разрешено. Можно даже официально жениться на второй или, если мало, на третьей. Я не права?

– А зачем? – повторил её собеседник. – Настоящая жена бывает только одна.

Человек, нашедший свою половину, никогда не станет искать чего-то на стороне, или заводить гарем, если только он не искренний любитель всяких там пикантных сексуальных болячек и если мозги у него не в трусах находятся.

– Вот это да! – засмеялась Наташа. – Я бы за такого запросто замуж пошла бы.

– Моя жена сначала точно так же сказала, – вспомнил Мусса. – А когда её родители узнали, что я мусульманин, да ещё татарин – сразу на дыбы. И даже побили один раз.

– Её побили?

– Нет, меня, – гордо выпрямился татарин.

– А вы?

– А я посадил любимую в свой «Цундап» и увёз в Семипалатинск, – усмехнулся Мусса. – Если я мужчина, то не должен плясать ни под чью дудку. Даже если Родители невесты на этой дудке мне похоронный марш сыграют.

– Понятно. Только почему в Семипалатинск? – удивилась девушка.

– Мы жили тогда в ссылке, в Бирсуате, на Северном Казахстане, как раз недалеко от знаменитого Аркаима, – принялся рассказывать её спутник. – Не слыхала? Удивительно, об Аркаиме весь мир шумит уже лет пятнадцать, если не больше. Но дело не в этом. Моих родителей туда сослали, как врагов народа, они там и умерли. А родителям моей жены такой зять не нужен был. Вот мы и решили удрать, но не туда, где ловить и искать будут, а, наоборот, на восток. Семипалатинск находится в Восточном Казахстане, а оттуда совсем недалеко до Китайской границы. Причём там, в Алтайских горах, протекает Чёрный Иртыш – тёзка своего северного собрата. Только этот был прозван Чёрным, потому что сторожил тайные караванные тропы, служившие во все времена подмогой контрабандистам.

Мусса на секунду замолчал, облизывая ложку, Потом, вытерев губы бумажной салфеткой, продолжил:

– У меня тогда уверенность была, что ни я, ни моя жена ничего не теряем в стране чужих. Кстати, чужие тоже утверждают, что им нечего терять, кроме своих цепей. Но когда мы были уже в Курчуме, посёлке на берегу озера Зайсан, познакомились там с русскими христианами, жившими в тех местах с незапамятных времён. Их предки бежали на Алтай от патриарха Никона, который при Алексее Михайловиче старообрядцам резню устроил. Людей тогда целыми деревнями сжигали за то, что не хотели щепотную религию считать христианской. Им-де Христов апостол Андрей Первозванный заповедовал по-другому молиться. Так вот. Чёрный Иртыш как раз впадает в Зайсан, и старообрядцы знали горные караванные тропы, но уходить

насовсем из России в Китай не хотели. Русских там много. А казахи, киргизы – они тоже русские. Другое дело в Китае. Там всё не русское. Даже Алтай, Тибет, Гималаи – всё не русское. Не наше.

– Так это православные, говоришь? Старообрядцы? – залюбопытствовала Наташа. – Как они там оказались?

– Я только что тебе сказал: там много русских! – утвердительно кивнул Мусса. – Старообрядцы не приняли участия в Гражданской войне, которая началась в 1666 году, и скрылись в Рипейских горах и на Алтае.

– Рипейские горы – это там же, на Тянь-Шане?

– Э-э-э, нет, – Мусса скорчил противную гримасу, будто целиком проглотил спелый лимон. – Рипейскими раньше Уральские горы называли. Об этом даже Ломоносов поминает, и Костя Бальмонт много писал об этом. Там теперь тоже где-то своё горное царство имеется. В Рипейских горах поначалу Чудь обитала, но когда пришли белые, Чудь ушла в подземное царство и все ходы за собой закрыла. А на Алтае некоторые православные тоже целыми деревнями живут где-то в горах, но в Китай не уходят. Говорят, предки рассказывали, как много веков назад между православными братоубийство началось. Вот так вот там русские и появились. Ещё говорят, что Чудь на Урале и Алтае жить под землю ушла только потому, чтоб не видеть лжи и предательства нашего мира. Мы встретили там одну женщину: лицом чёрная, но душой светлая. И муж у неё такой же. Они сторонились пришлых, жили высоко в горах, в затворе, но нас с женой приняли. И отговорили в Китае прятаться: сводили к Алатырь-камню. Жене тогда видение было, что она в Чёрном Иртыше утонуть может. Вот тогда я и решил обратно в Кок-Тэбэль² возвратиться. Убьют, так убьют, только в чужом болоте и лягушки не приживутся, а своё болото завсегда выручит.

– А что такое Алатырь-камень? – разговор с попутчиком оказался для Наташи очень даже интригующим.

– Э-нет. Алатырь-камень не знаешь? – искренне удивился татарин. – А ещё Наташка! А ещё русская! Такой и на Урале в Кунгурской пещере есть, в тех самых Рипейских горах. Потом, на севере в Кандалакше, и даже в Аркаиме археологи нашли.

Собеседник Наташи поманил её пальцем, сам склонился через стол поближе к девушке, будто боялся, что их разговор кто-нибудь нечаянно услышит.

– Люди говорят, – понизил голос Мусса и выпучил глаза. – Говорят, что у нас в Крыму такой есть, где гора Магаупа. На Руси их ещё называли бел-горюч камень, из-под которого живая вода течёт. Не знаешь? Жаль. Мне казалось, в детстве каждый такие сказки слышал. Я, в общем-то, татарин, но русский татарин, поэтому всё знать обязан. И знаю, что в Мекке чёрный камень Каабы на вершине горы сверкает. Он тоже раньше бел-горюч был, как яшма тёплый, но почернел, потому что возле него люди в ненависти клялись к ближнему, газават объявили. Вот он и почернел. А всё от предка моего началось.

– В Мекке? От предка? – глаза у девушки от удивления выражали настоящую квадратуру круга.

– Да, – кивнул татарин. – Жил там когда-то Мусса Силкан ибн Салама. Давно это было. Ещё при пророке Муххамеде. Мусса Силкан первым тогда сказал «Газават!», и проклятие легло не только на наш род! Но нет вещей, которые нельзя исправить. Меня ведь тоже Мусса Силкан зовут. Значит, ошибки предков исправлять мне положено. Я не только о прошлом и о настоящем, но даже о будущем всё знать должен. Вот ты, христианка, знаешь почему ваш христианский Второй Рим рухнул? Не знаешь. Мои предки османы Византию вовсе не захватывали. Так же и у вас не было никакого «...бежит матрос, бежит солдат, стреляя на ходу...» в семнадцатом году. И Зимний тоже никто брать не собирался! А во времена царства Визан-

---

² Кок-Тэбэль – киммерийское название местности, сохранившееся по сей день.

тийского владыки Константинополя сами постоянно приглашали соседей-татар поучаствовать в междоусобицах. Вот так турки и расселились по всей Византийской империи, а сам Царьград пал в начале тринадцатого века от удара совсем небольшого отряда крестоносцев в двадцать тысяч человек. Чтобы ты могла себе представить, то сообрази, что в Константинополе было полмиллиона населения и маленькому боевому соединению рыцарей просто оказалось бы не под силу поднять неподъемный камень.

– Где же были солдаты? Что произошло? – поразилась девушка.

– Очень просто! – Силкан опять поднял вверх палец. – Очень просто! Наёмникам солдатам давно уже не выплачивалось никакое жалование, адмиралы разворовали и распродали собственные галеры, так что грабь – не хочу.

– Второй Рим распродали – и он пал? – уточнила Наташа. – Примерно, как нашу Москву сейчас распродают. Недаром говорят, что столица под землю провалится не от того, что метро обширное, а от того, что город позволили испоганить и растерзать.

– Выходит так.

– Петрарка о своём городе как-то сказал: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру», – задумчиво произнесла Наташа. – Я об этом вспомнила, потому что у нас сейчас Третий Рим, как ни крути. И все также разбазаривают, разворовывают, растаскивают, что только в руки попадёт. Можно сказать, в Риме Первом даже больше порядка было, потому что там жили только потомки этрусков. Они любили свой город и никого из чужих не пускали, разве что рабов. Но рабы гадить в городе отродясь не приучены. А в Третьем Риме чего только не случается: от взрывов жилых домов до беспричинных убийств прямо на улицах. И весь бедлам оплачивается американо-еврейскими архантропами.³ Вот как раз в день моего отъезда депутата Забиякина замочили. Не слышали?

– Нет.

– Ну, так вот, – девушка принялась вспоминать биографию убиенного депутата. – Он, может быть, и забияка в политике, но чужой этой стране просто по жизни, собственно, как и его соратники по оружию. В открытую всё началось с Михаила Горбачёва, когда тот в 1989 году подписал с Бушем-старшим на Мальте договор о разоружении, который, в сущности, выглядит как настоящая капитуляция, то есть безоговорочный проигрыш в Третьей Мировой войне. После этого очень скоро, с 17 по 21 августа 1991 года, произошла кончина СССР. И могучая в прошлом страна начала разворовываться также спокойно, чинно и законно, как в Риме Византийском, то есть Втором!

– Вот об этом-то и душа болит, – сокрушённо вздохнул Мусса. – Поэтому я ещё с детства понял, что хотя бы историю, но настоящую надо знать.

– А почему же вы всё знать должны? – опять поинтересовалась девушка.

– Потому что сейчас работа у меня такая. Угадай, кем я работаю? – хитро прищурился её собеседник.

– Пока что мотоциклист, – улыбнулась Наташа. – Но, если не секрет, что за профессия?

– Не секрет. Я – учитель русского языка и литературы.

– Русского?.. Ты?.. – кажушаяся несуразность настолько поразила девушку, что она непроизвольно перешла на «ты».

– Да, я! – самодовольно кивнул Мусса. – Правда, только в начальной школе. Но совсем неплохо справляюсь со своими обязанностями. Сама посуди, ведь не хохлов же в учителя брать! Эти проходимцы ни на своём, ни на русском гарно балакать никогда не научатся. Директриса наша феодосийская давным-давно уже на работу меня приняла и не жалеет. Ученики мои некоторые давно уже взрослыми стали, а тоже не жалеют, что у меня обучались.

---

³ Архантроп – (хомо-сапиенс неандерталиенс – прашур архантропа), обладает инстинктом алчного хищника, самой упрощённой речью и врождённым стремлением к убийству ради убийства.

– Поздравляю, – искренне обрадовалась Наташа. – Так вы в Феодосии живёте?

– Нет, я там только работаю, – пояснил Мусса. – А тебе повезло, красавица, что со мной встретишься. Так бы сколько времени до Феодосии на электричке тряслась, а потом в нашу долину на попутках – страсть как неудобно. Правда, до болгарской деревни ещё автобус ходит, но очень не регулярно. Ты не была ещё у нас? Нет? Ничего. Приедем – тебе обязательно понравится. В Коктебеле уютно, потому что с одной стороны Карадаг, а с другой Киик-Атлама, что в переводе с нашего значит «прыжок дикой козы». Ты коза?

– Нет, – делано нахмурилась Наташа.

– Ничего, – улыбнулся татарин. – У нас по горам поскачешь, сразу козочкой или ланькой станешь. В общем, козерожкой. Но нам пора уже. Рашидка! Рашидка! Выйдешь ты, наконец, со своей кухни?! Я уезжаю уже.

Только теперь на очередной окрик Муссы из кухни показался невысокий татарин в белой поварской курточке и колпаке. Но Наташу поразило другое: оба татарина походили друг на друга, будто были кровными близнецами. Различить их сейчас можно было только по разной одежде. Вероятно, они оба считали себя крымскими татарами, киммерийцами, скифами, но только русскими. Что ж, в таком толковании есть несравненная доля правды.

Коктебель каждое утро одаривал Дмитрия той печальной предосенней тишиной, которую так любил Максимилиан Волошин и которая, говорят, благотворно влияет на творческую струну человека. Не знаю, как с творчеством, а море, ещё не совсем холодное и злое, но уже с наливающимся белым раздражением гребешками, действовало на приезжего умиротворяюще.

Собственно, приехал Дмитрий сюда вовсе не один – с другом. Но того вчера срочно вызвали в Москву. Дело в том, что Семён Полоцкий был неплохим экспертом-криминалистом. Неплохим – это даже скромно сказано, потому что не могли человека оставить в покое даже во время заслуженного отпуска.

Они с Семионом – такое «домашнее» имя приклеил ему Дима – каждый год приезжали сюда в сентябре, чтобы встретить Новый год. Да-да, тот самый Новый год, который в Древней Руси наступал четырнадцатого сентября, а не в январско-декабрьском винегрете. Новогодняя дата много раз в русском календаре менялась, однако, в своё время четырнадцатое сентября продержалось значительно долго – с 1492 по 1700 год. А перед тем сентябрьский Новый год приходил на Русь ещё за две тысячи лет до Рождества Христова.

Это был тот самый Семионов день, когда всей семьёй гасили в избе старый огонь и зажигали новый. Мистерия Семионова огня поддерживается и сейчас кое-где, хотя не все помнят и знают, что огонь был пожалован человеку Велесом. Но что с этого дня начинается сказочное Бабье лето, не забывает никто, ведь какой день – такова и вся будущая осень.

Семёна вызвали в Москву по случаю убийства какого-то олигарха, если не сказать аллигатора. Опять очередные финансовые разборки в управленческих структурах государства, которым официально правит кучка узаконенных преступников!

Недаром со времён наступления исторического материализма в начале XX века в государственных финансовых структурах России происходили и происходят довольно странные дела с этими денежными доплатами, недоплатами и переплатами.

Допустим, многие знают, но до сих пор молчат о том, что один из Ельцинских ублюдков господин Шеварднадзе открыто подарил англичанам вагон золота, то есть Золотой Запас Государства Российского, тайно вывезенный за кордон ещё в Гражданскую бело-чешскими воинскими формированиями! Даровал англичанам шубу с царского, то есть с грузинского плеча и дело с концом! Не захотел отставать от «подвигов» коллеги и господин Черно-Мырдин – по-другому назвать этого прохвоста у Дмитрия даже не получалось. Тоже подарил шубу с царского плеча, а именно разрешил американским архантропам границы чуть подальше отодвинуть и теперь за ними не только Аляска, а ещё всё водное пространство и часть Чукотки, так

что русским рыбакам скоро негде рыбу ловить будет, потому как чужие воды всегда под запретом. Но всех переплюнул экс-генерал КГБ и гендиректор «Росвооружения» Евгений Ананьев. Этот прохиндей купил у своих покровителей генералов ГРУ Владимира Рябухина и Алексея Щербакова «МАПО-банк» за двести миллионов долларов, пропустил через него суммы ещё в несколько сотен миллионов долларов и объявил эту финансовую структуру банкротом. Куда делись сотни миллионов отмытых денежных средств, даже американскому богу архантропов неизвестно.

А Черно-Мырдин или Ананьев? Живут себе, не прячутся. И никто с них спрашивать не собирается за преступление против народа российского. Но тут совершается какое-то злодейское убийство одного из олигархов этого воровского клана и неведомо за что. Только в тех кругах просто так ничего не происходит. Может быть, и заслужил олигарх отнятия жизни, но тем самым лишил других праздника – встречи Нового года!

Суть в том, что для Дмитрия с Семёном Новый год наступал с четырнадцатого сентября. И пользуясь тем, что старый календарь ещё никто не отменял, друзья всегда отправлялись встречать сентябрьский Новый год в Коктебель. Ведь вся страна до сих пор с умилением смотрит, как один «алкоголик» с улицы Строителей идёт с друзьями в баню, готовясь встречать Новый год! И все радуются за него: ведь невесту нашёл! Пусть в другом городе, но настоящую. Настоящую! И даже на такой же улице Строителей.

А тут – ни невесты, ни друга. Убитый олигарх разрешил убить себя не вовремя! Забыл, верно, что «когда смерть рядом, безотказно послушная, то становится возможной жизнь, ибо именно смерть даёт нам воздух, простор, радостную лёгкость движения – она и есть возможность».⁴

Придётся теперь одному сентябрьский Новый год встречать, ничего не поделаешь. Одно только радует: как-то очень быстро забылась Москва с её вечной суетой и вечным дефицитом свежего воздуха. Возможно потому, что человекам иногда требуется курортное отдохновение, на то они и человеки. Но отдохнуть от Москвы?! – это уже совсем что-то несусветное. Хотя, может быть, Коктебель хранил какое-то своё таинство, придававшее этому месту необъяснимое радостное очарование.

Даже Волошин поселился здесь в своё время надолго, то есть навсегда. А шутка сказать, ведь несколько лет прожил с матерью, Еленой Оттобальдовной, в Подмосковном Звенигороде. Поэт частенько вспоминал потом Москву, ведь там ни в одном лесу не встретишь, скажем, секвойи, или лугового осота с пустырником не говоря уже о кипарисах и чинарах.

Но в Крыму природа очень оригинальна сама по себе. А когда татары превратили полуостров за несколько веков в цветущий рай, то у живущих на этой планете не находилось никаких слов, кроме восхищения. Правда, полуостров в своё время подарил хохлам Никита Хрущёв, и тоже как шубу с барского плеча. Но те в большинстве своём были здесь чужими, а чужой и мать родную за шекель продаст, не сморгнёт.

К Волошину в Кок-Тэбэль съезжалась занимательная публика Серебряного века во все времена года. Многие даже напрямую сравнивали его с испанским местечком Алькане, поэтому Коктебель и прослыл заветным местом отдохновения ещё до наступления заветного исторического материализма. Хотя для Гумилёва оно однажды чуть не стало местом вечного отдохновения, но тоже заветным.

Николай Степанович пожаловал сюда летом, незадолго до своего ареста и расстрела, чтобы залечить душевные раны, возникшие после страстного расставания с Анечкой Горенко, то есть Ахматовой. Собственно, она никогда не стала бы толковым поэтом, не оказалась вовремя под руками Гумилёва. Именно он сделал её личностью, но... «...от человека ни следа, лишь полночь молния пронзает. Любовь взаимной не бывает на этом свете никогда».

⁴ Морис Бланшо.

Вот эти раны и приехал залечивать Николай Гумилёв, прихватив с собой Лизаньку Дмитриеву, которая получила прозвище Черубина де Габриак ещё до наступления социалистического материализма. В первой декаде двадцатого столетия в России был расцвет Серебряного века. Именно с тех времён Черубина стала для Гумилёва и Волошина камнем преткновения. Имя делает человека человеком и Черубина стала воистину роковой женщиной, получив новое имя. Впрочем, самой девушке нравился необычайный псевдоним, созвучный с сатанинским началам.

Каждому человеку хочется иногда поиграть чарами заветной мистики, полагая, что игра закончится благополучным концом, а никак не чем иным, намного страшнее, чем обычная игра.

Николай Гумилёв, кадровый офицер и настоящий русский, никогда не думал, даже не помышлял уехать куда-нибудь за границу в Ниццу, потому как ни одна Заграница не вернёт ему бывшей жены. Что поделаешь, монетно-бытовой профиль Совдепии приносит иногда необратимую разлуку с любимыми. Анечка выбрала совдеповского «достойного» чиновника. Ей настоящий русский поэт оказался не нужен по сермяжной причине безденежья. В этом мире каждый делает свой выбор. Вот только почти все жалеют, что поступали когда-то в прошлом неправильно, да только поздно – сделанного не воротить. Тогда-то Николай Степанович снова вспомнил Черубину и решил вместе с ней посетить Волошина в крымском Коктебеле.

У Гумилёва с Волошиным была давняя мужская дружба, только вот 1910 год оказался для обоих неудавшимся. На одном из поэтических вечеров Гумилёв отозвался не очень лестно о ещё начинающей тогда Черубине. Публичное высказывание покорило Максимилиана Волошина, и он потребовал от Гумилёва извинения перед незаслуженно обиженной дамой. Николай Степанович наотрез отказался, и между друзьями возникла ссора, увенчавшаяся дуэлью на Чёрной речке. Дуэль, к счастью, закончилась ничем – оба дуэлянта выстрелили в воздух, но мужская дружба лопнула, как мыльный пузырь.

И вот сейчас Волошин пригласил с оказией Гумилёва к себе в Коктебель. Николай Степанович считал, что крымская природа и вновь приобретённый друг помогут избавиться от напасти, от подленького женского предательства, а заодно и от помешательства. Как жертву для восстановления дружбы, Гумилёв прихватил с собой роковую женщину, которая когда-то послужила причиной мальчишеской ссоры.

Гумилёв до сих пор носил офицерский китель тонкого сукна, разве что без погон. Но уходил один пройти по берегу или же по сосново-кипарисовым рощам без кителя – в льняных штанах и рубашке навыпуск. С полей, заросших жёстким осотом, он приносил множество тарантулов, набитых в спичечные коробки. От Николая Степановича некоторые отдыхающие принялись даже невольно сторониться. Ни Лентулов, ни сам хозяин Максимилиан Александрович, не понимали увлечения поэта, списывали всё на последствия Первой Мировой войны, с которой Гумилёв вернулся кавалером двух крестов Святого Георгия. И вот сейчас он устраивал бои тарантулов в банке.

– Ах, посмотрите, посмотрите! – звал он всех присутствующих. – Ведь такой бой не увидишь никогда ни между медведями, ни между львами. Пауки в банке! Все мы скоро превратимся в таких пауков в банке! Все русские будут грызть друг друга, как эти пауки за место под солнцем!

– Хватит, Николай Степанович, – однажды принялась приводить его в чувство Елена Оттобальдовна. – Нечего в моём доме устраивать неадекватную модель будущего!

– Максимилиан! – воскликнул Гумилёв. – Хоть вы-то объясните своей матушке, что нельзя не замечать реальные приметы грядущего! Моя бывшая жена давно отметила будущую потопляемую волну Совдепии, поэтому и скрылась за спиной реального пловца в бумажном финансовом море! Посмотрите! Покопайтесь в своём сознании, и вы поймёте, что не так всё просто, что Россию ожидает страшное проклятое будущее, где люди будут захлёбываться от

бумажных финансовых волн. Не удивлюсь, если самая богатая в мире страна превратится в непроходимого должника любому африканскому вождю!

Самому Волошину тоже не раз являлось в подсознании что-то не совсем обычное, мягко говоря, выливающееся, в конечном счете, в стихи, но он всякий раз пытался отмахнуться от не совсем привычных, коварных и даже нигилистических мыслей.

Зачем это? Ведь мир меж людьми так не вечен, хрупок и недолог. Так надо всегда благодарить Бога за посланные мирные годы, недели, минуты существования, пока не поздно.

– Ах, Николай Степанович, умоляю, не обижайтесь на неё! – пытался сгладить углы общения со своей вольнодумной матушкой Волошин. – Она поймёт вас, как понял я, но не всё сразу. Сегодня она уезжает на неделю, чтобы не беспокоить ни вас, ни Лентулова, ни Черубину, ни Епифанова, тоже, кстати, воевавшего на немецком фронте. Моя матушка, поверьте, поймёт вас, но, повторяю, не всё сразу. Я Киммерию тоже понял не сразу. И сердце Киммерии – Коктебель, тоже не сразу вошёл в мою душу: я постепенно осознал его, как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность. Историю человечества надо отгадывать. Отгадывать по этим удивительным путешествиям, развёрнутыми чистыми страницами: вот тебе история этой планеты, вот что с ней случилось, и будет случаться. Вот кому всегда поклонялись, и будут поклоняться. Теперь дело за тобой. Вот что можешь ты и может твоя родина для тебя. Делай же историю! Никто ещё не нашёл закона, соединяющего духовный и физический миры. А мост меж ними более чем реален.⁵

Николай Степанович понимающе кивал, но снова и снова уходил по вечерам на взморье, либо подавался в горы, где непроходимые заросли тамариска и рододендрона вовсе не мешали ему. Уходил всегда один, а возвращался иногда в самое неподходящее время. Не для себя – для окружающих.

Вот и в этот раз он явился далеко за полночь. Поднявшись на второй этаж, услышал голоса. Вернее, один голос. Голос Черубины. Гумилёв остановился в тени на площадке возле веранды. На веранде не было никакого света, но его и не надо было. Лунная крымская ночь окрашивала все предметы в небывалые, несуществующие цвета, что немедленно превращалось в полёт мысли и фантазии.

На белом пушистом ковре, застилавшем весь пол веранды лежала полуобнажённая Черубина и читала стихи. Всё это было бы не очень уж необычно. Только поблизости никого больше не было, кроме Максимилиана Александровича, сидящего в глубине веранды у секретера карельской берёзы. Он беззаботно попивал клюквенный морс, бесцеремонно разглядывал Черубину и кивал в такт услышанному:

Есть на дне геральдических снов
Перерывы сверкающей ткани.
В глубине анфилад и дворцов
На последней таинственной грани
Повторяется сон между снов.
В нём всё смутно, но с жизнью схоже:
Вижу девушки бледной лицо
Как моё, но иное и то же
И моё на мизинце кольцо.
Это я. И всё так не похоже.⁶

---

⁵ М. Волошин. Воспоминания. 1929.

⁶ Черубина де Габриак. Публикация в «Аполлоне».

Потом девушка перевернулась на живот, подобрала ноги, выгнула спину, как кошка, и поползла на четвереньках к Волошину. Обняв его за колени, она, голосом пытаясь выразить всю страсть охватившую её, прошептала:

– Максимилиан, я хочу родить от вас. Родить мальчика. Я знаю, он такой будет красивый и такой же умный! Я хочу...

– Сейчас она скажет, что такого желанного мужчины нет, и не будет во всём подлунном, – перебил её Гумилёв, горько усмехнувшись. – Поздравляю, Максимилиан Александрович, мы уже стали молочными братьями. Только вот от кого сын родится – не известно. Но ничего, мы попросим эту мадмуазель разрезать нам ребёнка на две равные части.

– Николай Степанович, вы?.. – Волошин вскочил с кресла и стоял, не смея сдвинуться с места, поскольку Черубина, услышав голос Гумилёва то ли от страха, то ли ища защиты, охватила колени Максимилиана руками, прижалась всем телом и не думала отпускать.

– Бросьте, Максимилиан Александрович, – опять скривил губы Гумилёв. – На лицо настоящая женская любовь, которая всегда прячется в кошельке конкурента, в будущем денежном благополучии продающей себя дамы. И, конечно же, в гениталиях. А что вам, кроме похоти, великому русскому поэту, может дать эта женщина? Нет уж, вам надобно завести настоящую, любящую... Или... провались они все!

– Ну, знаете, Николай Степанович! Я понимаю! Я всё понимаю! Но выражаться так в адрес женщины! Причём, тогда в 1910-м, вы так и не извинились! Вы непременно должны перед ней извиниться!

– Я!!! Да вы в своём ли уме, милейший?! – издевательски фыркнул Гумилёв.

– В таком случае я!.. – необычайно расхотелся Волошин. – Да я! Вызываю вас на дуэль!

– Опять? – озадаченно спросил поэт. – Ну, что ж, отлично! К вашим услугам! – Николай Степанович церемонно поклонился и щёлкнул каблуками, как будто только вызова и ждал. – Сегодня утром я готов продырявить вашу косоворотку с двадцати шагов. Честь имею!

Гумилёв принялся подниматься к себе в чердачную комнату, и лестница на этот раз под его сапогами предательски закричала, но поздно.

На шум выскочили Лентулов с Епифановым. Оба наблюдали ссору и обоим предстояло стать секундантами. На предложение обдумать всё и пойти на примирение Волошин ответил категорическим отказом, очень уж его хамоватое «братство» покорило, а Гумилёв вовсе дверь не открывал. Крикнул только, что работает и просил не мешать.

Утром оба дуэлянта показались в гостиной почти одновременно. Волошин был в обыкновенной белой косоворотке, подпоясанной затейливым ремешком. Но по случаю одел всё же настоящие офицерские сапоги бутылочкой. Во всяком случае, он был не босиком, как обычно. Гумилёв по тому же случаю надел полную офицерскую форму без погон, но всё-таки два Георгия – боевые отличия – придавали уверенности. Секунданты решились на всякий случай снова пристать к дуэлянтам с примирениями, но после внушительного отказа оба успокоились, если только можно было применить сейчас к мужчинам это слово.

Причём, самая интересная в этой истории была маленькая заковыка: Николай Степанович, боевой офицер, более чем великолепно стреляющий из любого вида оружия, владеющий разномастным фехтованием, просто не мог не выполнить исход дуэли на отлично. Волошин тоже неплохо стрелял, но дуэль есть дуэль! А как же быть с тем, что Максимилиан давно уже числился в друзьях Николая Степановича? Мало ли, что прежде была ещё одна такая же ссора? Но убить друга из-за какой-то суфразистки, вдруг почувствовавшей потребность в мужчинах? Нет, и ещё раз нет!

Предутренние отлоги кокетбельского предгорья встретили четверых мужчин ещё не развеявшимся туманом. Секунданты бесцельно, но безропотно суеились, стараясь в последний раз избежать кровопролития и помирить бывших, чуть было не помирившихся друзей. Только

ни тот, ни другой не удостоили ответом суетящихся. Вдруг внимание мужчин привлекла женская фигура, на секунду мелькнувшая в тумане возле бездомных тополей.

– Проклятье! – буркнул Николай Степанович. – Что за вздор, её здесь только и не хватало!

Однако он не стал настаивать на удалении зрителей. Смотрит – пускай. Ей же хуже. Во всяком случае, женщине не так часто приходится заглянуть в физиономию смерти, судьба такая. Пусть смотрит.

Дуэлянты разошлись на позиции. По сигналу секундантов сделали по три шага к барьеру и застыли так, держа дуэльные револьверы дулом вверх у правого плеча.

– На счёт три делать выстрел, – ещё раз предупредил Лентулов и, поскольку дуэлянты уже были на позиции, произнёс:

– Раз!

Вдруг откуда ни возьмись, свалилась вакуумная тишина. Казалось, что пространство сжалось, собралось в какой-то бесформенный клубок, что всё замерло, что никакого продолжения не будет, но тут же все услышали:

– Два!

Снова налетел ветер, пытаясь разогнать туман, чтобы дуэлянты не потеряли друг друга из поля зрения, чтобы сумели хотя бы взглянуть, может быть, в последний раз на вершину Карадага и задуматься всё-таки: а стоит ли?..

– Три! – прозвучала погребальным эхом команда секунданта.

Оба дуэлянта одновременно выстрелили.

Дальше последовало какое-то необъяснимое замороженное состояние для всех участников этой трагикомедии, потому что дуэлянты остались стоять как стояли, хотя выстрелили оба! Если бы не умели стрелять – еще, куда ни шло. Но и тот, и другой великолепно владели оружием.

– Выстрелили в воздух! – догадался один секундант.

– Оба! – добавил второй. – Так же, как на Чёрной речке!

Через минуту дуэлянты подошли друг к другу и пожали руки.

– Я думал, – хмыкнул Гумилёв, – последнюю ночь живу в подлунном.

– Я тоже, – взволнованно выдохнул Волошин. – Ведь лучшего стрелка, чем вы, найти сложно. Простите меня.

– И вы меня простите. Я сегодня ночью написал поэму и оставил на столе. Вам оставил.⁷ Но сейчас, – поэт искал нужные слова, которые иногда имеют привычку непослушания. – Но сейчас я должен вернуться в столицу. Анна официально выходит замуж за государственного чиновника.

– Как? – изумился Волошин. – Так скоро? Простите, я не знал. Вероятно, поэтому мне сегодня приснилось... Ах, неважно. Вот лучше почитайте в дороге. Это и есть мой сон.

Максимилиан передал Гумилёву листок бумаги, но тот не стал откладывать и сразу же принялся читать вслух:

С каждым днём всё диче и всё глуше
мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Тёмен жребий русского поэта:
неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

---

⁷ Гумилёв в ночь перед дуэлью написал поэму «Капитаны».

Может быть, такой же жребий выну,
горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину
иль в кровавой луже поскользнусь,
но твоей Голгофы не покину,
от твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба,
но судьбы не изберу иной:
умирать, так умирать с тобой
и с тобой, как Лазарь, встать до гроба!⁸

---

⁸ М. Волошин. «На дне преисподней». Избранное. 1929.

Глава 2

Это была последняя встреча поэтов и незабываемый вещий сон Волошина. Ведь в действительности всё так и случилось в дальнейшей жизни Гумилёва. Даже Ахматова написала «Реквием» 27 августа, в тот самый день, когда её бывшего мужа расстреляли чекисты. Мало кто знает об этом, да и надо ли?

Просто, возвращаясь очередной раз с мыса, Дмитрий частенько вспоминал эту историю. Не то, чтобы она была единственным достоянием Коктебеля, но Дима откровенно радовался, что дуэльный пистолет Пушкина «случайно» не возник в руках одного из дуэлянтов. Оружие Дантесу доставили франкмасонские приятели. Говорят, что противнику русского поэта привезли не только оружие, но также кольчугу особого производства. Как тогда объяснить, что раны на теле Дантеса не оказались. А ведь Пушкин попал! Дантес выстрелил раньше, не дойдя до барьера один шаг, но раненный поэт всё же не отказался от своего выстрела и сделал точный выстрел.

Сам Дантес потом постоянно отнекивался, но на месте дуэли впопыхах заявил, мол, пуля попала в пуговицу! Затем заменил свои показания на то, что произошло ранение в руку, только ни один из секундантов этого не подтверждает. Если бы это было так, то пуговица легко вошла бы в тело вместе с пулей. Здесь важно другое. Пропал куда-то пистолет, из которого был убит Пушкин, как будто под землю провалился! Сколько его не искали – не нашли.

Всё же оружие это через некоторое время вновь попало в народное поле зрения, потому что пистолет Дантеса оказался у Мартынова, стреляющегося с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. И снова пропал пистолет. Радовало одно: ни кому из поэтов, стреляющихся в Коктебеле, это оружие на дуэли не попало «случайно» в руки. Мало ли что они оба выстрелили в воздух! Всякое могло случиться. Хотя стрелялись-то они из более современного оружия. Но кто ж знает, что у оружия, устроившего охоту на русских поэтов, сейчас в голове? И кто будет третьим?

Соседи по пансиону не очень докучали Дмитрию. Напрашиваться на знакомство здесь было просто не принято, всё-таки пансион до сих пор назывался Цековским. Поэтому Дмитрий Крымский, – это прозвище он придумал для себя на время отдыха, – занятый своими бесконечными, как мироздание, мыслями, обычно бродил по окрестностям, охотясь, как Гумилёв, за тарантулами. Или прогуливался побережьем, следя за наползающими друг на друга свинцовыми волнами, прислушиваясь к их сердитой перебранке и разгадывая: какая же на сей раз причина этой свары?

Иногда он специально забредал к дому Волошина, в котором тоже устроили Дом Отдыха, но для литераторов. Тем, вероятно, приятно было побывать на месте встречи знаменитостей мира сего, и даже иной раз представить себя настоящим дуэлянтом. Может быть именно здесь, под крышей усадьбы Максимилиана Волошина, кто-то придумал поэму «Новые капитаны» или же «Капитаны-2»! Да что там поэма, гений русского слова и кузнец человеческих душ мог запросто написать здесь «Горе от ума для новых русских»!

На полпути к пляжу Дмитрий облюбовал одну из скамеек, с которой открывался довольно-таки живописный вид на мыс. Здесь можно было просиживать часами, чувствуя, что общение со стихией возвращает вкус к жизни. Со стороны могло бы, наверное, показаться, что одинокий мужчина, рано впавший то ли в старость, то ли в хандру, сторонится общения с людьми из-за какой-то душевной или сердечной драмы. Но чего только не покажется со стороны!

Диме было безразлично общественное мнение, и никогда бы его не занимал вопрос: «а что люди скажут?». Он не стремился к общению с себе подобными лишь потому, что всё человеческое сейчас мешало единению с природой.

Растворяться в каждой волне, в каждом порыве ветра, в склонах гор, подёрнутых пепельной дымкой, в тёмных кипарисовых аллеях – это ли не мечта каждого здравомыслящего? К несчастью, такое редко у кого получается, потому что привычка прятанья от природы берёт своё.

Обнимая весь этот киммерийский простор, Дмитрий пил его энергию, и возвращался в своё физическое тело уже обновлённым, благодарно улыбающимся доброму окружившему его миру. Природа ничуть не отторгала обновлённого человека и считала приезжего своей неотделимой частицей, хотя в незнакомом крае Дмитрий был чужеродным телом.

В повседневных романтических скитаниях по побережью он всё-таки не стремился намертво одичать и обугриться. Наоборот, природа давала какое-то новое чувство понимания всего сущего. Даже встретив один раз девушку, также одиноко бредущую в сонных сумерках, Дима вдруг отчётливо почувствовал сопровождающую её волну тоски и страха. Это разбудило дремавшее в нём до сих пор любопытство, и он стал постоянно искать встречи с незнакомкой.

Девушка довольно часто гуляла по взморью в элегантной бежевой куртке, поверх которой она повязывала на шею вызывающий красный шарф, гармонически сочетающийся с обыкновенными женскими брючками яркого бирюзового цвета. Но всегда встречают по одежде, а провожают по уму. Во всяком случае, яркие цвета говорили о ярком характере, что украшает любую женщину.

Дмитрий, например, спокойно, нахально даже, при встречах раздевал девушку. Глазами. Скажем, не совсем уж раздевал, но одежда явно для него ничего не значила, то есть не служила непреодолимой преградой. Вопрос в другом: зачем он это делал? Возможно, так увлёкся новой игрушкой, какой он представлял живого человека, что начал выискивать на её воображаемом теле необыкновенные морщинки, родинки и прочую суеверную ахинею, которой уделяют внимание только впервые в жизни влюбившиеся пацаны.

Однажды он застал её сидящую боком на облюбованной скамье в совершенно неподвижной позе памятника, выбравшего эту деревянную лавочку вместо гранитного постамента. Со стороны казалось, что девушка тоже слушает сварливую перебранку волн и окаменела, околдованная звуком. Скромно примостившись на краешек, Дима осторожно на неё покосился. Внимания никакого. Может и хорошо.

– О чём это они сегодня? – кивнул он на мерно бормочущие волны.

Девушка не вздрогнула, не изобразила испуг, не вскочила, даже не обернулась. Лишь чуть-чуть скосив глаза в его сторону, ответила:

– Спорят, кому первой на берег выбегать.

Дима откровенно думал, что вопрос огорошит незнакомку, или она хотя бы сделает вид, но пришлось удивляться самому.

– Вы всех понимаете с полуслова?

– Нет, конечно, но вас понимаю, – на сей раз, она обернулась в его сторону, и Дмитрий увидел большие печальные тёмные глаза, в глубине которых была сокрыта мудрость вселенной. Самое важное, что глаза девушки казались не просто тёмными, а разноцветными в то же время. Это вызвало поразительное смешение чувств, о чём Дмитрий раньше совсем не подозревал.

Лицо её, чуть смугловатое, в неприметных веснушках, оттеняли чёрные волосы с модным мелированием, то есть блондинистой проседью. Правда, лицо выглядело немножко усталым. Чувствуется, что она привыкла к этому образу и прятала его за лёгким макияжем. Во всяком случае, для постороннего не очень внимательного взгляда – видок что надо!

– Любопытно. Чем же я заслужил понимание? – Дима усиленно подыскивал слова, чтобы продолжить непредвиденный разговор. – Или в вас проснулась обычная женская интуиция?

– Я за вами наблюдаю вот уже несколько дней, – усмехнулась она. – Впрочем, как и вы за мной.

– Значит, научились читать мысли на расстоянии? – подхватил Дима. – У женщин это редко встречается.

– О, нет, – смутилась незнакомка. – Просто я заметила, как вы слушаете море. Ну, и ещё кое-что. Это так забавно!

– Как интересно! – хмыкнул Дима. – Ведь я тоже кое-что заметил.

Незнакомка подозрительно скосила глаза. Женщину легко поймать даже на проходную ничего не значащую фразу, но по лицу новой знакомой пробежала волна напряжённости: а вдруг её случайный знакомый что-то не то заметил!

– И чем же я привлекла ваше внимание? – осторожно спросила она.

– Рискую показаться бестактным, но когда я впервые увидел вас, то просто почувствовал, вы чего-то боитесь что ли, – Дима даже театрально покрутил в воздухе ладонью. – Это трудно объяснить словами. Это никак не проявляется в наружности. Просто просыпается в человеке шестое, седьмое или одиннадцатое чувство, когда знаешь – всё именно так и не иначе!

– Ага. Теперь настал мой черёд обвинять вас в экстрасенсорности? – улыбнулась она краешком тонко очерченных губ. – Ведь интуитивное чувство чутья у вас тоже работает на расстоянии и всюю помогает вашим газам безапелляционно раздевать меня?

– Прошу прощения, но я... я вас обидел? – искренне смутился Дима.

– И да, и нет, – усмехнулась она. – Вы кто по специальности?

– Врач. Психолог... Работаю в отделе судебно-медицинской экспертизы, то есть сыщик, если хотите.

– Психолог? – девушка почему-то удивилась. Вероятно потому, что уже присвоила Дмитрию какую-то необычную профессию. Но сосредоточенно нахмуренный лоб её вовсе не красил.

– Психолог? – снова переспросила девушка. – Я, пожалуй, тоже. То есть реставратор. Не кажется ли вам, что наши профессии схожи?

Дима никогда раньше не проводил таких сногшибательных аналогий, но мысль девушки показалась довольно интересной и чуть еретичной в то же время.

– Видите ли, сыщику приходится...

– Нет-нет, – перебила она, – не возражайте. Вы же знаете, что только женщины способны к таким неординарным умозаключениям и способны ловко выкручиваться из любых непредсказуемых ситуаций. Возможно, это выглядит как борьба с собственными комплексами, в которой запросто можно убить себя, но ведь вы же знаете, что женщины комплексами не обладают.

– Да знаю, – кивнул Дмитрий. – Женщина, если она действительно женщина, всегда права и только человеку свойственно ошибаться.

Девушке не оставалось ничего иного как просто пожать плечами и, усмехнувшись, сделать вид, что не расслышала плоской мужской безапелляционности в адрес присутствующих женщин.

– Ну и пусть. Значит, так надо, – заключил её собеседник.

Наташа оказалась не только интересной слушательницей, но и собеседницей. Сказано, что женщины любят ушами, а новая знакомая всюю старалась подтвердить исторически выведенное определение. Хотелось ли Дмитрию закрутить лёгкий, ни к чему не обязывающий роман? Хотелось ли Наташе увидеть у своих ног поверженного льва? Да, наверное. Но оба они ничуть не вписывались в эти измерения. Им просто было хорошо вдвоём. Вот и славно.

Только иногда совсем неожиданно их серьёзное обсуждение каких-то проблем или весёлый непринуждённый разговор вдруг прерывался по вине Наташи и зависал в воздухе замёрзшей на лету птицей. Это происходило всякий раз по-разному: то Наташа ловила ртом воздух, будто выброшенная на лёд рыба, то наоборот, закашливалась, чем-то подавившись, то просто замолкала, уставая в точку какого-то нездешнего пространства.

– Наташенька, ангел мой, это становится уже немного странным, – Дима пытался образумить её как-то раз. – Пойми, моя специализация, возможно, не гарантирует безоговорочного

исцеления от каких-то болячек, но скажи, наконец, что тебя мучает? Чего ты боишься, пугаешься, замыкаешься даже на самом интересном месте разговора? Я же доктор, психолог, следователь и смогу помочь тебе. Я всё-таки мужчина, наконец.

Его возмущённая тирада повисла в воздухе без ответа. Но такие настроенческие всплески быстро проходили. Сегодня с утра они сидели на автобусной остановке и ждали приезда местного татарина, с которым Наташа успела когда-то уже познакомиться, и который обещал подкинуть их в Грушевку. Этот посёлок находился не очень далеко от побережья, но добираться туда пешком не реально, да и времени уйдёт понапрасну столько, что в световой день никак не уложишься.

Мусса, так звали местного киммерийца, немного опаздывал, а Наташа уже нетерпеливо всматривалась в дорогу. Настроение у неё, как у всякой красивой женщины, менялось ежесекундно. Что поделаться, семь пятниц на неделе!

Единственное, что могло обрадовать, это заплясавшие вдруг в её разноцветных хитрющих глазах огоньки-проказники.

– Так говоришь муж-чина? – задумчиво пропела она, растягивая гласные.

– Вроде бы. Уж не считаешь ли ты меня не больше, как третьесортной подружкой? – парировал Дмитрий.

– Ну, тогда, если ты муж-чина, в смысле «китайский муж», то найди мне транспорт, заключила Наташа. – А то Мусса пока раскачается и ехать уже никуда не надо будет.

– погоди, не спеши, – осадил её Дмитрий. – Как это «китайский»?

– Очень просто: муж – Чина! Теперь понял?

– Хорошо, – недовольно кивнул Дмитрий. – Но ты так и не сказала, куда едем.

Объяснила только, что Мусса-де знает, что он довезёт. Даже если я найду транспорт, куда мы поедём? На деревню к бабушке Константин-Макарычу? Время пока есть, так что не гони волну, не создавай суматоху. А если твой татарин не явится, мало ли – транспорт не заводится – то завтра с утра и отправимся, только скажешь где и куда.

– Понимаешь, я сама не знаю где это и что это, – попыталась объяснить Наташа. – Знаю только, что в одной из крымских пещер я могу найти то, что ищу.

– А что ты ищешь? – обалдело захлопал глазами Дима. – Надеюсь, не какой-нибудь древний клад, закопанный отважными аргонавтами, побывавшими здесь в мезозойский период?

– Не спрашивай пока, – отмахнулась девушка. – Потом расскажу. Всему своё время. Просто случайно выяснилось, что Мусса давно уже слышал о том месте, которое я ищу, поэтому обещал сегодня подкинуть меня туда. Дескать, всё равно по дороге. Он туда по каким-то своим делам должен поехать.

– Вот и не ёрзай, – подытожил Дмитрий. – Совсем необязательно впереди паровоза бежать, теряя белые тапочки. Приедет твой знакомый, если только мотоцикл заведётся.

Тут со стороны болгарской деревни послышался утробный рёв мотоцикла и на дороге показался Наташин знакомый. Через несколько минут он подкатил, и друзья принялись усаживаться в поданное «ландо». Вещей у них было не много: у Димы ничего, а Наташа захватила всё-таки небольшой рюкзачок.

В поход девушка собиралась капитально, потому что кроме джинсового костюма на ногах у неё красовались настоящие горные ботинки. И где только откопала? Но у ЦеКовских хозяйственников пансионата, наверное, ещё и не то можно отрыть при желании.

Дмитрия поразило больше всего транспортное средство татарина. Внушительный немецкий мотоцикл «Цундап» с мощным двухцилиндровым мотором, пригнанный в Россию из Германии ещё во времена Великой Отечественной войны, потому что на люльке, где сидела Наташа, сохранилась настоящая турель! Может быть, у Муссы и пулемётик где-то лежит, солидом смазанный. Вдруг пригодится хохлов из Крыма выгонять!

Мотоцикл хоть и громко, но безотказно урча, отмерял киммерийские километры. Дорога, поднимаясь к вершинам, скоро вывела их к посёлку ничем не отличавшемуся от десятков других, разбросанных по Черноморскому побережью.

– Эй, молодёжь, прибыли, – окликнул их Мусса. – Прибыли. Грушевка.

Он слез с мотоцикла, помог девушке выбраться из люльки. Достал её сумку и полез зачем-то в заднюю часть люльки, служившую багажником и имеющую специальный люк.

– Ну, здравствуй, Старый Крым, – картинно раскинул руки Дмитрий, встав в позу рядом с мотоциклом.

– Лучше бы выбраться помог! – заворчала Наташа. – А то оставил меня на шофёра. Вот и всё ваше мужское рыцарство!

Дима сконфуженно попытался что-то промямлить, но решил бросить это грязное дело. Никуда не денется, простит. А не простит, так не судьба, значит. Никогда Господь не даст того, что ни поднять, ни унести. По всей вероятности где-то в безоблачной канцелярии услышали это деланное бесшабашие, и прощение было отпущено вместе с дамским кулачком в бок.

– Ой!

– Вот те ой, – Наташа ещё раз попыталась ткнуть в бок своего незадачливого рыцаря. – Назвался груздем...

Дима поймал её руку, притянул к себе.

– Наташенька! – миролюбиво прошептал Дима. – Тебе вовсе не идёт домашний дисциплинарный порядок, а я не владею кухонным боксом.

Лицо её оказалось так близко, глаза такие весёлые, а мускатный запах волос, кружащий голову, точно карусель, так запутывал мысли, что Дима естественно сделал то, что положено рыцарю – отвесил поклон. Представляете? Вот и я тоже не представляю. Зато всё представила Наташа. Она просто без реверансов поцеловала Диму. Сама. А когда он, одумавшись и опомнившись, попытался всё повторить, в его опомнившихся руках оказался только обломок пустоты. Девушка ловко избежала от опасной близости. Наверное, опасной телесная близость была сейчас для обоих, потому что ничто человеческое никому не чуждо.

– Пещера здесь недалеко, – вернул воркующую парочку на землю Мусса. – Вон та тропа выведет вас прямо к обрывистому склону. Пещера высоко. Надо уметь по скалам лазать, либо на верёвке сверху спускаться. Я вот нашёл тебе, Наташка, в багажнике альпинистский шнур капроновый. Держи, пригодится. Но назад в пансион уже сами добирайтесь. Я не знаю, когда вы и когда я освобожусь.

– Ничего, Мусса, мы разберёмся, – кивнула девушка, подхватив увесистую бухту капронового каната.

– На всякий случай запомните, – промолвил тот на прощание. – Человеку на земле, кроме любви, вовсе ничего не надо. Не надо и всё. Хотя нет, нужна ещё надежда, чтоб верить в «Ничего не надо». Если надежды нет, то сразу появляются миллионы претензий не только к окружающим, а и к самому Богу.

– Не знаю, может, вы и правы, – Наташа задумчиво взглянула в глаза татарину. – Может, всё в этом мире гораздо проще, чем мы выдумываем? Не знаю.

– Ну, герой, – обратился Силкан к Дмитрию. – Девушку на тебя оставляю. Не потеряй, смотри!

Татарин некоторое время глядел вслед удаляющейся парочке потом, воровато оглянувшись, перекрестил их вслед, как делают только русские бабушки и жёны, крестя вослед уходящих на войну сыновей. В этом не было ничего необычного, если бы уходящих не перекрестил мусульманин Мусса Силкан.

Тропа огибала несколько новых кирпичных домов, отгроханных по запросам «новорусской архитектуры», ныряла меж одиноких глинобитных домов, оставляя в стороне настоящие

сакли – а как же в горах без этого! – и мимо кипарисов, зелёным забором окруживших тютину,⁹ убегала дальше в горы. Наташа взяла Дмитрия за руку, потянула на тропинку:

– Ну что, идём, блуждающий странник? – улыбнулась она. – Вместо всех известных крымских экскурсоводов вашим вниманием, уважаемая публика, завладею я на некоторое время. Надеюсь, вы не против?

Публика была нисколько не против, поэтому оба, весело болтая, пересекли Грушевку и вышли в дикий Старый Крым, где не ступала нога человека. Ну, или хотя бы не ступала. В Крыму, конечно, невозможно найти «белого пятна», но очень хотелось верить в обратное. Подъём к ожидаемому пещерному зеву не стал от них долго прятаться, не понадобилось даже дорожных указателей на белое пятно планеты.

– Спасибо тебе, Дима, – прозвучал голос девушки.

Это было так неожиданно, что тот поперхнулся каким-то недовысказанным словом. В скитаниях по киммерийским кущам ничего удивительного не было. Именно поэтому слова благодарности прозвучали какой-то диковиной, если не дикой музыкой.

– За что спасибо? – подозрительно взглянул Дмитрий. – За то, что я тащусь с тобой как верный цепной друг?

– Конечно, – улыбнулась Наташа. – Ты, не спрашивая ни о чём, действительно потащился за мной на край света...

– В небольшую горную вылазку, – поправил он.

– ...пусть так. Но ты ничего не знаешь об известной, казалось бы, пещере. Ещё в Москве мне про это место рассказывали удивительные вещи.

– Мне тоже.

– Ин-те-рес-но, – голос спутницы звучал немного по-другому. – Что это тебе рассказывали и где?

– Где, где, – проворчал Дима. – В «Моисеевой бороде» – есть такой новомосковский ресторанчик на Старом Разгуляе. Не слышала? А напрасно. Так вот, говорят, что совсем недавно из этой пещеры, – он рукой показал чёрную дыру, красующуюся на боку скалистого обрыва, куда они направлялись. – Из этой дыры спустился на верёвке мужик, прибежал ночью в Грушевку, постучал в окошко сакли на окраине и спрашивает у хозяина: «Гамарджёба, генацвали. В Ялте на рейде фашистских крейсеров много?» Хозяин сакли сделал квадратные глаза и отвечает: «Да что ты, дубина! Война шестьдесят пять лет уж как кончилась!» «Ничего себе! – чешет немытую башку партизан. – А я всё это время диверсии устраивал, дома взрывал, склады с горючим...». Так что про эту пещерку давно всё известно. Не удивлюсь, ежели там Беничка Ладен с одесскими шмуликами прячется. Америкосы его по всему миру ловят, а он, скорее всего, в Старом Крыму виноград кушает.

– Про Ладена – ничего, сойдёт, – кивнула Наташа. – А про партизана – анекдот с бородой до пояса, то есть постарел не по годам. И ты вместе с ним. Кстати, знаешь, за что аборигены съели капитана Кука?

– Нет.

– За то, что рассказал бородатый анекдот, – подытожила девушка. – Но мы действительно уже добрались.

Яркий скалистый обрыв не предвидел людское посещение, поэтому не запасся никакими тайными тропами, а жаль. Во всяком случае, наша парочка от удобной тропиночки точно бы не отказалась. Альпинизмом ни тот, ни другой не увлекались, так что усиленно пришлось искать обходные пути. К счастью, в этом государстве всегда и везде найдутся какие-нибудь обходные пути. Нашлись они и здесь.

---

⁹ Тютина (местечковое) – шелковица.

– Нормальные герои всегда идут в обход, – профальшивил Дмитрий известную барма-лейскую песенку.

– Ох, куда нас только понесло, – отозвалась запыхавшаяся Наташка. – Меня то есть. Знала бы, ни за что б не согласилась в скалолазки записываться.

Но вскоре её недовольство было удовлетворено открывшимся со скалы ландшафтом. Раскинувшееся в обе стороны нагорье не отличалось каким-либо диким, первозданным или же райским видом. Зелёные обрывистые, не слишком крутые склоны теснились у ног путешественников. А не слишком большое нагромождение скал даже радовало глаз – это был всё-таки Старый Крым и обрывы не хвастались друг перед другом крутыми боками. Одна только скала, где оказались дикие туристы, выпирала над всем нагорьем. Зато с неё далеко-далеко до края земли, просматривалось море, пытавшееся скушать полоску горизонта.

– Дождик брюзжит в подоконник, горы вспороли зенит,
бродят по берегу кони – память поныне хранит
этот сюжет незатейный – тени ползут в тишине,
сгустками черных мгновений липнут к холодной стене.
Сосны. Молчание моря. И вековуха луна.
Где-то на ближнем нагорье влажно запела зурна.
Неосторожные звуки мне не понятной тоски —
благословенье на муки? взмах безнадежной руки?
Волны по-прежнему немые. Там, где кончается мрак,
море сливается с небом, да не сольется никак.

Дима пробормотал это, не вставая в позу, не затачивая на стихоплётстве внимания, но заметил, что девушке это явно понравилось. Всеобъемлющее впечатление полёта над миром приходит к автору, разливается по всему видимому пространству и даже захлёстывает жгучей морской волной, когда пусть не ты, а что-то сотворённое тобой приносит радость присутствующим. Любой человек не спасён от впечатлений, тем более от радости.

– Это твои стихи?

– Да, – честно признался Дима.

Наташа, воздерживаясь от комментирования услышанного, чтобы не наступить слишком больно на поэтино уязвимое место, подошла к обрыву и осторожно заглянула в пропасть.

– Здорово! – удовлетворённо кивнула она. – Только спускаться придётся мне одной. И не спорить! – повысила голос девушка, увидев, что её спутник уже подыскивает какие-то возражения.

Наташа расстегнула сумку, вытащила ещё один моток тонкой капроновой верёвки, альпинистский пояс с корсетом для позвоночника, альпеншток и пристегнула к правой ноге ножны с большим тесаком, на котором тупая сторона выглядела как пила. Что говорить, такая дальновидность была просто прекрасна, но как же она в пещере – и одна?!

– Во-первых, – Наташа сразу же пустилась в объяснения, поскольку кислая физиономия Дмитрия явно требовала подслащения. – Во-первых, ни ты, ни я альпинизмом не занимались и если спустимся оба, то кто ж вытаскивать будет? Во-вторых, мне взглянуть там надо только на одну вещь. Это сталагмит находящийся совсем недалеко от выхода. Я знаю, что петли времени могут захлёстываться на нём, как на простом торчащем из земли пне. В-третьих...

– А что это такое, петли времени? – перебил Дмитрий.

– ...в-третьих, – продолжила собеседница, не обращая внимания на мужское любопытство, – мы забрались сюда не для того, чтобы заняться уроками по мистической истории земли. Я тебе потом как-нибудь всё расскажу. Придётся потерпеть и поверить мне на слово.

С этими словами она размотала капроновый шнур, накинув петлю на одиноко лежащий камень. Хотя нет. Теперь одиночество камня будет разделять Дмитрий Крымский. Камню же придётся приложить всю каменную силу и врождённую скальную смекалистость, чтобы человек смог вытащить подругу-путешественницу из омута, сыгранного временем, если таковой в этой пещере имеется. Возможно, она и не попадёт никуда, а если вдруг затянется? Тогда точно, одного человеческого ума будет явно недостаточно.

Второй конец капронового шпагата Наташа пристегнула к альпинистскому поясу, стягивающему джинсы и бедра. Специальный пояс держал фигуру девушки как в корсете. Такая экипировка придавала уверенности самой альпинистке.

– Вот так вернее будет, – добавила она. – Ну, счастливо оставаться.

Наташа в этот раз по-настоящему поцеловала Дмитрия, даже с какой-то ощутимой жадностью и нежностью в то же время, потому что она уходила не на простую прогулку. Уходя – уходи, как говорят обычно, только свидятся ли?

В следующую секунду девушка принялась деловито спускаться по круче. Дима с помощью того же одиноко лежащего камня стравливал верёвку и думал лишь о том, чтобы капроновой длины каната хватило до пещеры, чтобы не пришлось надвизывать. Кстати, а надвизывать-то было всё равно нечем, потому что второй шнур девушка прицепила к поясу, как страховочный и это было правильно, лишь бы хватило длины.

Плечи у Дмитрия уже горели, ладони давно саднили, потому что он забыл надеть обычные брезентовые рукавички, но первая половина работы подходила к концу. К счастью, шнур скоро ослаб, длины хватило. Дима осторожно заглянул в пропасть. Наташа стояла на кромке или так называемом скальном карнизе прямо у входа и смотрела вверх, но не на Диму. Возможно, что-то интересное было над самым входом.

– Ну, точно. Там надвратная икона вывешена, как в настоящем православном храме, – проворчал Дмитрий, не зная ещё, что иногда человека посещают совсем даже не пустые соображения. Скорее всего, это была интуитивная догадка, посланная из-под небесья.

Шпагат натянулся. Видимо спелеологиня желала пройти дальше, да вот только страховщик с верёвкой мешали и напоминали путешественнице о связи с внешним миром. И что у любой верёвки бывает конец. Тогда девушка, видимо, отвязала шнур от пояса и на какое-то время исчезла. То есть, нельзя сказать, что исчезла насовсем, но оба капроновых шнура оставались в недвижимом постоянно натянутом положении.

Что с альпинисткой случилось? почему не двигается? не посылает никаких сигналов? Её спутнику в голову сразу полезли сумбурные мысли о провалах во времени, вскользь упомянутых Наташей, о перебросках в прошлое и наоборот. Эти случаи давно уже набили оскомину всей жёлтой прессе, об этом давно уже идут споры, но ни к какому научному или околонуучному решению проблемы высокоуважаемое общество пока ещё не подошло, даже ни на йоту не придвинулось.

В общем, голова Дмитрия заполнилась книжно-фантастической неразберихой, которую разбавило-таки еле заметное подёргивание шнура. Проявление жизни на том конце, в первую очередь, подтверждало, что всё тип-топ в этом мире и беспокоиться не о чём. Да и в замершем неоткликающемся состоянии связующие путешественников шнуры были совсем недолго.

Дима снова заглянул в пропасть. На козырьке возле входа никого не было. Опять в голову полезла мистическая дребедень, навроде пещерозавров и птероящеров, а, может быть, вообще какого-нибудь Старокрымского Минотавра. Мало ли кого временные петли в наш век выбросят? Недаром сейчас весь мир, или почти весь, обсуждает вновь обретённый Аркаим, как тот самый потерянный рай, пропитый когда-то нашими бесхозяйственными предками!

А что. Древнейший город, существовавший за пять тысяч лет до Рождества Христова обнаружен на Южном Урале, то есть на юге Рипейских гор, которые вплоть до наших дней до

конца не обследованы и вряд ли это предвидится, потому что горный хребет оказался русским «Бермудским треугольником», который у нас получил название Кунгурского.

Впрочем, ни одно Белое пятно на теле нашей планеты ещё не удалось обследовать и расставить хоть какие-то точки над «i», так что этот треугольник спокойно дожидается своих Пифагоров.

Известно, что город находится в долине, которая выглядит природной чашей меж сопок и предгорья с протекающими по ней речками Сынташтой и Большой Караганкой. Со спутников делали снимки этих мест и всё было прекрасно видно. Но не давался пока город в руки ни учёным историкам, ни археологам, как тот же Каменный Цветок из уральских сказок. Только совсем недавно, в конце восьмидесятых прошлого столетия поддался Аркаим стараниям археологов и не просто поддался – попросил защиты, как ещё живое существо, которое пытаются уничтожить тёмные силы.

В тех краях, явно не страдающих безводьем, тогдашнее советско-российское правительство решило вдруг организовать новое очень необходимое водохранилище, а долина Аркаима почему-то понравилась строителям, да так, что за зиму дамбу сколотили и даже водопроводные трубы проложили. То есть, сделали то, что в Сибири зимой никогда не делают! Оказывается, именно осенью русские археологи воочию встретились со столицей доисторического царства, и кому-то очень не понравилось, чтобы люди свою древнюю историю помнили. Вот и снарядили строителей.

Ведь было же на Руси царство Десяти городов – мир, способный помогать человеческому развитию! Оказывается, именно оттуда многое начиналось. Из этой колыбели мира появилась и арийская ветвь рода человеческого, и китайская, и шумерская, и этрусская. Куда память историческая делась? Вернее, не куда делась, а кому это надо, чтоб Аркаим умер?

В тех местах, кстати, обнаружили недавно недоступные крупные поселения старообрядцев, покинувших русскую Европу и перебравшихся в непроходимые Уральские дебри ещё во времена церковной гражданской войны Аввакума и Никона. Но самое интересное, что у русских кочевников в храме обнаружен великолепный календарь и настоящие часы, а ведь этих изобретений тогдашняя Русь ещё не знала! Надо же, старообрядцы развивались обособленно и придумали много вещей гораздо раньше как, скажем, русский изобретатель Яблочков придумал электрическую лампочку намного раньше Эдисона, но об этом не помнят даже теперь. Таких примеров множество.

Тут капроновый лить здорово натянулся. Значит, пещерозавр, полакомившись женским мясом, поднимается для знакомства с Дмитрием? Что ж, необходимо ему помочь, ведь человек должен всегда помогать братьям меньшим. Дмитрий что есть силы, упёрся ногами в одинокий камень. Поднимать оказывается гораздо сложнее, чем опускать. Тем более руки уже немного поранены, а сейчас, несмотря на то, что Дима обмотал ладони бинтом, снова проступила кровь.

Женщина относится к слабому полу, так почему же столько сил забирает, особенно когда её приходится из пропасти вытаскивать? Какая же она оказывается тяжёлая, хоть и маленькая! Дмитрий из последних сил упирался ногами в камень и вытягивал впивающийся в плечи капроновый шнур. Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается, только вскоре Наташина голова всё же показалась над краем пропасти.

– Наконец-то! – выдохнул Дима.

Девушка вползла на утёс, обессилено рухнула рядом с помощником на камень, немного отдышалась. Потом, не произнеся ни слова, принялась расстёгивать альпинистское обмундирование и аккуратно складывать в сумку. Может быть, у неё были какие-то свои соображения по поводу путешествия в пещеру, но хоть что-то она могла сообщить, ведь Дмитрию в прямом смысле кровью расплачиваться пришлось за помощь оказанную подруге? Он всё-таки не утерпел и, пытаясь голосу придать деланное безразличие, спросил:

– Ну, и что там интересного?

– Потом, – отмахнулась Наташа. – Ты извини, но всё потом... я очень устала... знаешь, я была там, – девушка ткнула указательным пальцем себе под ноги. Вот значит как! Недаром какое-то время оба страховочных линия находились в натянутом состоянии! Оказывается, в это самое время девушка каким-то образом побывала прямо там!

Дмитрий, пародируя девушку, уткнул указующий перст в землю, но ничего так и не понял. Только больше от Наташи нельзя было добиться ни слова. Впрочем, Дима даже не настаивал и до возвращения в Коктебель не расспрашивал подругу больше ни о чём, а она не обронила ни единого слова. Девушку вполне можно было понять, потому как путешествие в пещеру оказалось явно не из лёгких пешеходных прогулок.

За время отсутствия в пансионате их даже никто не разыскивал. Наверное, так происходит всегда в домах отдыха, но это с одной стороны много лучше, чем если бы кто-то поднял шум, заметив исчезновение сладкой парочки. Войдя в гостиную пансионата, они договорились встретиться после ужина в «Охотничьем зале», где вечерами обычно никого не было.

Надо сказать, что этот Цековский курортный комплекс сдали в эксплуатацию ещё при Золотом Застое социализма и такие «Готические гостиные» или же «Морские гроты» предназначались для гульбы слуг народа. Нынешние слуги народа вместе с новыми русскими предпочитают только Таймырские Мальдивы или Канарские Соловки, но никак не обезображенный хохлацкой независимостью Старый Крым.

В пансионе бывали люди попроще, хотя тоже не из касты неприкасаемых. Только отдыхающие, выросшие при социализме, с детства привыкали к домашнему другу телевизору. И что для нынешнего пансионера все эти гостиные? Если в «Охотничьем зале» нет телеящика, то вечером там делать нечего. Ведь очень хочется пролить скупую мексиканскую слезу с богатыми, которые тоже плачут или каким-нибудь другим нескончаемым сериалом. А про советское «мыло» и говорить нечего: сколько восхищённых глаз можно увидеть, взирающих на какой-нибудь «Бандитский Ленинбург»? Поэтому набитый кабаньими, медвежьими, лисьими чучелами, но лишённый телевизора «Охотничий зал» пустовал в вечернее время, что нашей парочке было на руку.

Дмитрий поджидал Наташу возле огромного настоящего камина. Чтобы распалить его, от парня потребовалось порядком времени, дров, незлобивых литературных слов и стараний, поскольку сам он не очень-то выглядел печных дел мастером. Но сейчас камин располыхался вовсю, создавая видимость тепла и уюта. А самое главное, блики пламени, пляшущие по углам огромного зала, разгоняли сгустки неприятных мистических теней.

Краем уха Дима уловил дробные каблучки своей подруги далеко в коридоре.

Если дамочка нацепила туфельки, значит, отошла от перевозбуждившей её пещерной заварушки. Интересное всё-таки событие прослеживается: только в мире какие-нибудь войны и катаклизмы начинаются, дамы обязательно в свой дневной рацион вводят модные шпильки, то есть упиваются ими и удаются. С исчезновением атмосферных потрясений – исчезают и вострые каблучки. Верно, шпильки понемногу становятся атрибутом всевозможных войнушек! Не артиллерия, не пехота и даже не авиация, а простые дамские шпильки!

Только Наташа никогда, наверное, не мучилась такими мировыми вопросами, потому что совершенно машинально чуть не нацепила на ноги туфли-шпильки перед поездкой в пещеру. Ведь обыкновенное спелеологическое приключение никогда нельзя приравнять к мировому катаклизму или к захудалой вылазке террористов с Бенчиком Ладеном во главе. Хороша бы она была, если б вовремя не спохватилась! Но всё-таки обзавелась же где-то альпинистскими ботинками, значит, соображения хватает. Сейчас, скинув туфельки, она бесцеремонно забралась с ногами в глубокое кожаное кресло и затихла.

На Коктебель свалился зябкий вечер, словно сброшенный ветром со спины горбатого склона. В сумерках лицо девушки невозможно было разглядеть, хотя дрова в камине горели исправно. Это выглядело довольно забавно, но в то же время таинственно. Вероятно, каждый

человек становится похож в такие экстравагантные моменты на обычного хамелеона, Ведь у Дмитрия на лице тоже играла занимательная таинственность, иначе бы девушка не старалась украдкой разглядеть соседа, чтобы угадать его настроение. Ну, или хотя бы вызвать своего потенциального поклонника на интимный разговор.

Наверное, она для этого и нацепила заманчивую мини-юбочку, ведь любого мужчину можно купить одним показом колен, поволочным блеском глаз, тонкой завитушкой волос, свисающих с виска и множеством других завлекалочек, – а почему бы и нет? Тем более, что она приехала на базу отдыха одна, без мужа. А если и была когда-то замужем, то брак не очень-то удачный, иначе... а что иначе? Ведь ничего не было? И мужу ещё не успела изменить... Не успела или не хотела? Собственно, это не та проблема, на которой надо заострять внимание.

– Скажи, Дима, ты действительно пишешь стихи? – ни с того, ни с сего спросила Наташа, будто бы для неё этот вопрос сейчас был наиболее важным, актуальным и существенным.

Неужели же прочтение стихотворения перед пещерной вылазкой настолько её затронуло, что просто «ах»? Не может быть. Почему? Просто потому, что Дмитрий считал себя не единственным гениальным ребёнком планеты, пишущим так вот запросто хорошие стихи. И вообще, каждый человек на земле в чём-нибудь гениален, только очень многие не могут или не хотят сразу найти своё заветное призвание. А вот когда человек отыщет себя, то есть у него что-то начинает получаться, то это позволительно ровно до того момента, когда сочинитель не превращает услышанное стихотворение в фетиш.

– Может быть, взрослым муж-чин-кам, – передразнил Дима свою подружку, – сегодня не модно или просто возбраняется писать стихи? Дескать, всякому вольно словоблудством увлекаться? Нет, чтобы настоящим делом заняться или хотя бы торговать научиться... Ведь все нынче что-то продают: кто семечки, кто родину, а некоторые и душу закладывают.

– Нет, что ты! – перебила Наташа. Даже наоборот! Люди без поэзии, без настоящей поэзии, давно деградировали бы.

– Тогда каюсь: писал, пишу, и писать буду, – проникновенно сказал Дима, будто пытаюсь отстоять не отбираемую территорию. – Причём, пишу не одни только стихи. Когда-то Александр Пушкин на весь свет произнёс довольно одиозную фразу: «Если можешь не писать – не пиши». Так вот, я почему-то не могу не писать. Тем более, мне часто в руки попадают такие детективные сюжеты, что просто ахнешь. Кстати, наше приключение уже тянет на детектив. А писать я начал в школьные года и во времена учёбы в Первом Медицинском, в общем, всегда. Любопытно, что в студенческие годы из меня стал получаться неплохой циник.

– Интересно, – девушка откровенно стрельнула глазами. – Поэт-циник или циничный медик-детектив, практикующийся на разрезании поэтов?

– Интересно? – разошёлся Дмитрий. – Иногда это становится не интересным, даже жутким. Поэт-циник-медик – это, конечно, занимательно, трогательно. Можно сказать, забавно для зрителей партера, когда стихи сами начинают терзать, кромсать и выворачивать недорезанного поэта. А вот представь, что для творца пережить собственное расчленение, погребение и даже отпевание – просто настоящий мистический ужас!

– Например.

– Хорошо... допустим... Ага, вспомнил:

Когда начинается день с эпилога —
на старом асфальте заржавленный снег
старается белым казаться, немного
похожий на желтых от водки калек.
Забившись в подвалы, закутавшись в крыши,
неслышно, невидимо кончилась ночь.
И сонный фонарь догорел, не услышав

гортанного крика родившейся строч —
ки — последней сестренки
таких же крикуний:
на дряблый рассвет
ворчит, со стола прибирая пеленки,
скончавшийся в родах поэт.

– Знаешь, мне сейчас не до стихов, – холодно отрезала Наташа. – Даже твоих. Мужчина всегда должен отчётливо понимать и осознавать, зачем послан в этот мир. Многих устраивает обычный бытовой треугольник – дом, работа, гастроном. Мужчины зачастую видят в женщине не друга, не помощника, а только предмет для секса. Ведь так?

– Не совсем, – глаза у Димы дискуссионно заблестели. – Женщина зачастую не может не ощущать себя руководителем в любой ситуации, даже если совершенно не разбирается в предмете. И не представляет, что мужчина обязан быть её половиной не по писаным законам, а по структуре жизни на этой планете. Ведь мужчина обладает чёрной силой, а женщина белой. И когда они соединяются – получается единство, именуемое официально в природе сутками.

В Индии существует знак Дао, где объединяются обе энергии мира, и получается круг. А это законченность. Если у птицы нет одного крыла, она не сможет летать. Люди давно уже поняли, что Бог – как раз та энергия, помогающая взмахнуть птице обеими крыльями, помогающая не просто существовать, но что-то создавать в этом мире обеим силам. Всё остальное – бессмыслица.

– Значит так, – подытожила Наташа. – Сейчас по сценарию должно последовать пылкое признание в любви с предложением руки, сердца и чего-то ещё между ними? Или уверение в том, что наша встреча не случайна, что ничего случайного не бывает, что мы рождены друг для друга и ждали этого момента всю жизнь? Пойми, мне нужно не признание в любви, а реальная поддержка и помощь.

Сможешь ли ты быть таким?

Дима не нашёлся что ответить. Взглянув на собеседницу, он только сумел отметить, что Наташа сама украдкой наблюдает за его реакцией на волну вопросов и на конечный, поставленный ребром, но не придавал этому хоть какого-нибудь значения. А напрасно. Любая женщина даёт мужчине сделать выбор, то есть ощутить, на что он способен, иначе все любовные игры быстро превращаются в самые банальные сексуальные бредни.

Неужели же жизнь наша состоит только из взлётов и падений? Ведь никогда не даст Господь того, что ни поднять, ни унести. Значит, это испытание предназначено не просто из-за спортивного интереса к поступкам человека в экстремальных ситуациях.

И тут голос девушки немного печальный, даже чуть прерывающийся, вернул Дмитрия к действительности:

– Нельзя меня любить, Димочка...

Будто море упало с потолка, пытаясь захлестнуть, замутить, заморочить ум. Именно это ощущение возникло вокруг и долго ещё не отпускало после ничего не значащей фразы. Заметив слёзы на щеках девушки, Дмитрий попытался как-то встряхнуться, нарушить надвигающийся, словно паровоз, неотвратимый исход этой ещё не успевшей родиться любви.

– Что с тобой, Наташенька? – Дмитрий сел с ней рядом на валик кресла. – Ну, не плачь, успокойся, ангел мой.

Парень притянул голову девушки руками к своей груди и принялся осторожно гладить её волосы. Этот, казалось бы, довольно простой поступок действует на женщин успокоительно. Сначала Наташа инстинктивно вжалась в кресло, будто ожидала каких-то агрессивных действий по отношению к себе. Потом, под действием добрых ласковых рук, немного успокоилась. Во всяком случае, плечи девушки перестали дрожать, и она чуть-чуть расслабилась.

Только это, наверное, совсем не входило в её планы, поскольку она осторожно, но настойчиво выскользнула из нежных рук Димы, подняла глаза и в упор посмотрела на собеседника.

– Сядь, – пальцем показала девушка на покинутое Дмитрием кресло. – Я тебе всё расскажу, как и обещала. Знаешь, я очень больна, Димочка. И неизвестно чем. Никто этого не знает.

Голос её опять дрогнул, но слёзного расстройства всё-таки больше не повторилось. На такое заявление трудно было чем-нибудь ответить или возразить. По сути, Дмитрий, как врач или следователь, должен был хладнокровно выслушать её, анализировать интонацию, слова, фабулу изложения и всё такое прочее. Но могла ли она сейчас хоть что-то доходчиво рассказать? Но мог ли сам он понять её, как пациентку, как человека, как женщину?

– Ты можешь подумать, что вздорная девчонка, накопительница комплексов, выдумала себе болезнь? – она снова внимательно посмотрела на Дмитрия. – Я действительно больна и действительно болезнь медицине пока не известна. Если ты профессионал в знахарстве или тибетских излечениях биологической энергией – тебе и карты в руки. Узнай что-нибудь о том, чего нет, детектив.

– Что узнать? – поднял правую бровь собеседник Наташи. – Выходит, поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, то есть старая сказка на новый лад?

– Какая сказка! Моей болезни действительно в медицине пока не существует! – девушка нетерпеливо хлопнула ладошкой по валику кресла. – Вспомни, от чего умер Блок, Байрон, Дюрер?

– Ну, предполагают...

– Вот именно, предполагают! – перебила она. – Они и с десятков других просто умерли.

– Ничего не бывает просто так, – упрямо возразил Дима. – Умерли, вероятно, оттого, что организм истончал. Не могло ничего не случиться без какой-либо причины.

– Правильно, не могло! Ничего не могло! – горячо воскликнула Наташа. – Я тоже с этим согласна. Но люди отправились в мир иной просто так. И большинство из них – творческие личности. Ты, как врач, как психолог, как аналитик-следователь можешь объяснить летальный исход научной трактовкой? Не можешь. И никто не может. Сначала люди полагали, что каждому отпущен какой-то жизненный срок. То есть, человек послан в этот мир для того, чтобы здесь что-либо сотворить. А человек может творить только с помощью души своей. Но, видя, что душа уходит, оставляя живым и здоровым тело, поняли: здесь присутствует нечто другое, необъяснимое пока ни наукой, ни мистикой, ни религией. В Африке, например, научились использовать такие случаи для создания зомби. Слыхал?

– В Африке – зомби, в Японии – камикадзе, в Китае – тьянь-шу. Только в Европе ещё нет ничего подобного, – хмыкнул психолог.

– Есть и сколько хочешь, – возразила Наташа. – Во Франции целый монашеский орден тамплиеров поклонялся Бафомету, рогатому идолу.

– Ну и что? – пожал Дима плечами. – На то мы и человеки, что вечно ищем, кому бы поклониться.

– А то, что когда идола обнаружили в подвале замка Тампль, все прикоснувшиеся к нему погибли. Просто умерли и всё! – в голосе девушки послышалось какое-то неуместное торжество. – Не от болезни, не от отравы, а просто умерли и всё. Может такое быть?

– То есть, рыцарей поразила такая же беспричинная смерть, как в твоём случае? – показывал он головой. – Но ведь ты жива ещё. Более того, я бы никогда не сказал, что Косая с косой бродит где-нибудь неподалёку. Просто у тебя обыкновенная мания или неврастеническая депрессия. Ты вообразила, что где-то рядом должна гулять такая же, как у пострадавших в прошлом, беспричинная смерть или болезнь без названия, которая охотится именно на тебя.

– Да. Именно такая! Да, именно охотится! И у меня та же самая болезнь, что и у многих, умерших без причины! – взорвалась Наташа. – Как ты не поймёшь, я уже битый час об этом твержу! Эта то ли болезнь без имени, то ли порча какая, но то же самое!

– Как?! – Дима тревожно заглянул ей в глаза.

– Так, – Наташа отвела взгляд, немного помолчала, потом вдруг ни с того, ни с сего спросила:

– Ты помнишь Алексея Толстого? Что-нибудь читал?

– Которого? – немного помедлил с ответом Дмитрий. – Их два и оба Алексеи, оба писатели.

– О, Господи! – девушка возбуждённо махнула рукой. – Конечно же, последнего, советского графа. Ну, который «Аэлиту» написал, «Гиперболоид инженера Гарина». Я не помню что ещё... Ах, да! «Буратино», надеюсь, тебе в детстве мамочка читала?

– Ты говоришь про Алексея Николаевича? – поднял бровь Дима. – Так у этого написано много книг, не только «Буратино».

– Да, да. Я про него говорю.

– В общем-то, читал кое-что, – равнодушно ответил Дима. – Но знаю о нём не больше, чем все. В основном ту часть его жизни, когда он был уже придворным писателем. Специально не интересовался.

– А зря, – Наташа сомкнула руки в кулак. – Довольно любопытный человек. Он любил много путешествовать, когда был помоложе. И вот как-то из одного скитания по Индии, Тянь-Шаню и Тибету он привёз вроде бы сувенир, оказавшийся на деле совсем не сувениром.

– Что же здесь необычного? – искренне удивился Дмитрий. – Писатели из творческих путешествий постоянно привозят что-либо диковинное. А потом хвастаются друг перед другом в Центральном Доме Литераторов. Почему ты вспомнила какой-то сувенир?

– Именно после этого и началось его непредвиденное величие, – твёрдо сказала девушка. – Роман «Пётр Первый», написанный по заказу самого товарища Сталина – это, я считаю, откровенная заказная дешёвая работа, а сравни-ка «Буратино» с итальянским «Пиноккио». Тебе не кажется, что эти сказки можно назвать братьями-близнецами? Но в России о «Пиноккио» упоминать было неприлично, в смысле запрещено. Да и зачем, когда есть наш советский Буратино! Только именно «Пётр Первый» и позаимствованная сказочка принесли Толстому небывалую популярность и великодержавную советскую славу.

– Да у нас почти все литераторы писали и пишут то, что прикажут, – пожал Дима плечами. – Все, или почти все воруют друг у друга не только мысли, а даже целые главы, строчки, стихотворения. И кто первым выпустил в свет написанную книгу – тот и автор! Советские писатели – вор на воре!

– Тут другое, – в голосе Наташи звучала нетерпеливая и непреклонная убеждённость. – Много раньше Толстой написал талантливый роман «Хождение по мукам», однако он никем не был замечен. А после проходного «Петра Первого» Алексей Николаевич получает открытый счёт в банке! Не говоря уже про официальные премии, награды, субсидии.

В те времена это значило, что владелец открытого счёта может в нужное ему время снять наличными любую, пусть даже астрономическую сумму. Такого всемилостивого отношения не удостоивался никто из писателей кроме Горького, а были и поталантливее. Хотя, что я говорю! Разве можно талант измерять советскими рублями? Кстати, бездарный роман писателя ныне с подачи того же товарища Сталина превращён в часть истории Государства Российского. А ведь держава Петра Первого была совсем не такой, какой нам преподносят в романе.

– Из твоей женской логики, Наташенька, вылепляется удивительная вещь, – усмехнулся Дмитрий. – Выходит, что виной словотворчества служит сувенир, купленный Алексеем Николаевичем на каком-то тибетском или же индийском горном базаре?

– Именно!

– Очень любопытно, – хмыкнул психолог. – Что же это за ящик Пандоры такой? Или история об этом умалчивает?

– Нет, не умалчивает. И это пока не секрет, – Наташа непроизвольно сделала небольшую паузу. – Толстой привёз оттуда обыкновенную ритуальную маску. То есть, нет, что я говорю! Конечно же, необыкновенную! Даже не просто необыкновенную! В запасниках Гохрана, где она хранится поныне, и где работаю я, до сих пор творятся невообразимые вещи. Эта маска – настоящий Лик Архистратига тёмных сил, то есть проклятых аггелов, прикоснувшись к которому человек теряет энергию и смысл жизни! Говорят, сам Алексей Николаевич дал маске такое имя. И ещё: изображение этой маски было выбито в скале над входом в пещеру, в которую мы с тобой ездили сегодня.

Глава 3

По горной дороге, которую и дорогой-то можно было назвать с большой натяжкой из-за щебня, увальней, голышей и прочей каменной неразберихи размеренно шагали два человека. Один из них – европеец с довольно правильными чертами лица, одетый в толстовку, подпоясанную затейливым плетёным ремешком, прикрытую сверху выдавшей виды распахнутой навстречу всем бурям штормовкой и парусиновые штаны, заправленные в яловые геологические сапоги с отворотами – мерил твёрдыми уверенными шагами лэм,¹⁰ пробегающий по окслизлым камням и суглинку.

На горных отрогах мало что можно увидеть примечательного среди редкой поросли рододендрона и чахлой обдуваемой ветрами нагорной травы. Разнотравья в горных районах было больше, чем предостаточно и пахучие запахи трав носились по воздуху, гоняясь друг за другом, играя в догонялки, или же просто от нечего делать.

В этих местах другие заблудшие ароматы перебивал тягучий запах духмяной полыни. Может, это и не было никакой необычностью для спутника европейца, неспешно и невозмутимо измеряющего шагами горный лэм, только сам забредший в эти неприступные места турист чувствовал себя первооткрывателем и пионером, ступившим на неизвестное в Европе белое пятно планеты.

Собственно, рядом с европейцем шагал обыкновенный шерп¹¹ – китаец неопределённого возраста, на первый взгляд ничем не примечательный. Он, как и любой другой проводник, ходил в чёрной, доподлинно вылинявшей чубе.¹² Шерп вёл в поводу двух выючных лошадей, иногда пощёлкивая языком. Так делают все проводники, и лошади на них не обижаются за странное, иногда бьющее по нервам пощёлкивание. Но везде свои законы, а у тибетских проводников они, вероятно, особенные.

Пегие лошади также размеренно копытили лэм, ни о чём, кроме дороги не думая, лишь иногда прядая ушами, когда шерп на какое-то время замолкал и не издавал успокоительного языкового пощёлкивания. Может, именно в это время на животных набрасывались кусачие высокогорные мухи, стараясь цапнуть лошадок за вкусное ухо или потную холку.

В этих местах проезжая тропа была основательно заброшена, но всё ещё помнила следы многочисленных ног паломников, выючных животных, колёс лёгких китайских повозок, вечно тащившихся туда и назад в гомпа¹³ или дацан, как его ещё называли. Тибетские нагорья повидали много путешественников, странников, просто людей, и всё-таки европейцы здесь попадались нечасто.

Китаец тронул своего спутника за рукав, пальцем показал на солнце, кубарем катившееся к графическим вершинам на западе и в очередной раз прищёлкнул языком. Видимо, это пощёлкивание у тибетских проводников было даже чем-то вроде особого наречия. В общем, для китайца и простого проводника принцип такого общения был более чем нормален, а путешественник пусть себе привыкает. Его на Тибет никто не звал.

Правда, в дзонге¹⁴ говорили, что белый человек – лин-пош, посланец Далай-ламы. В общем-то, это только говорили, а истиной редко бывает обронённое впопыхах слово. Тем не менее, Ранг-ду согласился проводить посланца в заброшенный гомпа. Кто знает, может быть, услуга, оказанная лин-пошу, станет для китайца важнее, чем вся его прожитая жизнь.

¹⁰ Лэм (тибет.) – дорога.

¹¹ Шерп (тибет.) – проводник.

¹² Чуба (тибет.) – тибетский ватный нательный халат.

¹³ Гомпа (тибет.) – ламаистский монастырь.

¹⁴ Дзонг (тибет.) – горное поселение, зачастую игравшее роль крепости.

Так принято было считать на Тибете, поэтому любой путешественник мог всегда рассчитывать на помощь и поддержку бесхитростного здешнего народа. К чему нужна хитрость, если ты хочешь помочь человеку? И зачем она нужна вообще, если ты хочешь убить человека? Поэтому в высокогорьях никто, никогда не применял дипломатических двуличий.

Тибетский монастырь не был совершенно заброшенным, но с давних времён эти места считались Гоингхангом, то есть, святилищем тёмных духов, известном по всем Гималаям. Поэтому и паломники перестали сюда наведываться, и монахи брошенного гомпа, кто ещё остался в живых, очень редко показывались в дзонге. Да и что делать ламаистским монахам в многолюдной тибетской крепости, куда стекались в большинстве своём только воины? Даже не столько воины, а бесприютные проходимцы, не нашедшие поживы в цветущих долинах и жаждущие поживиться здесь, по случаю каких-нибудь воинственных недоразумений, которые зачастую решались из этой крепости находящейся на границе нескольких государств. Но сейчас эти места были заброшены, и почти никто не показывался здесь.

За пять дней пути европеец привык уже к не слишком разговорчивому шерпу и научился понимать его с полуслова: сейчас мимика китайца не говорила ни о чём, только об остановке. Хотя до позднего вечера было ещё далеко, но по горным меркам, может быть, в самый раз. В этих полудиких краях свои законы, которые диктует сама Природа-матушка.

Пора было определить место для ночлега. Тем более, рядом был чортэнь – удивительное культовое придорожное сооружение из камня с вертикальным полотнищем, прикреплённым к каменной пирамиде с восточной стороны, украшенным десятками разноцветных шёлковых лент и хвостами яков. Такие встречаются по тибетским лэмам иногда в очень непредсказуемых местах. Да и сам тибетский архипелаг можно ли назвать предсказуемым? Ведь здесь и поныне вести по населённым пунктам разносят лунг-гам-па, горные скороходы.

Скажем, к примеру, в Новой Зеландии аборигены когда-то скушали Кука, то есть хотели кока, а съели Кука. Но эти человекоеды давно уже знают, что такое телевизор, радио, даже некоторые ходят с плеерами.

А здесь, не так далеко от центра мира, кажется, никогда не наступит победа научно-технической революции. На то она и революция, чтоб от неё спастись и прятаться, даже среди горных демонов, которые по сю пору славились своей злобой. В горах жили и живут только по законам природы, которые получены нами от Творца, а не по сочинённым умудрёнными законниками правилам, самонадеянно решившими, что человеку положено, а что не покладено.

– Ом-мани-пудмэ-хум, – бормотал шерп мантру, упав на колени пред чортэнем. – Ом-мани-пудмэ-хум. Молитва разносилась в воздухе звуковым маяком для добрых горных духов. Ведь недаром же именно в этом месте ламами поставлен чортэнь, значит, на этом перевале духи чаще всего приходят на помощь одиноким путникам.

Китаец украдкой взглянул на белого дикаря, решившего прогуляться по Тибету. Его путешествующий коллега усмехнулся тонкогубым ртом, отмахиваясь от мантры, как от надоевшей мухи, и отправился бродить по округе в поисках любых завалящих дровишек или жиденького хвороста, так как одной молитвы даже при подорожном молитвенном месте будет недостаточно.

Мало ли какие шакалы могут нанести ночной визит вежливости, не говоря уже о демонах. Но молитва китайца, возможно, поможет как-нибудь договориться с inferнальными пережитками прошлого. Ведь там, откуда пожаловал белый человек, потусторонний мир и зазеркальный давно считался каким-то пережитком, хотя люди прикасались к этому пережитку каждый Божий день, заглядывая в обыкновенное зеркало.

К счастью, проводник скоро освободился от молитвенных приготовлений ко сну и помог спутнику отыскать совсем недалеко местечко на берегу ручья, развести костёр, чтобы поставить котелок с горной зубодробительной водицей.

Зубодробительной её сразу окрестил европеец, потому как решил сначала утолить жажду прямо из котелка и закашлялся при первом же глотке. Всё же, немного отдышавшись, белый дикарь сделал пару внушительных глотков и снова задохнулся от холода, мигом сковавшего не только дыхательные пути и носоглотку, но даже вызвавшего из глаз ещё не успевшие замёрзнуть слёзы.

– Пока ночь не посетила Друк Юл, нужно увидеть хозяину чортэнь, – подал голос китаец.

Ещё раз, поклонившись туристу для вящей убедительности, шерп показал в сторону чортэня. Проводник явно предполагал, что его поведение всё объясняет и даже больше, но вслух говорить ничего не стал. Вероятно, это тоже особенность тибетских обывателей, только турист совершенно ничего не понял и решил на всякий случай уточнить.

– Вот ещё. Зачем это нужно? – скривился он, но всё же пошёл вслед за шерпом к чортэню, к висевшему при дороге полотнищу, потерявшему под солнцем, ветрами и дождями свой первоначальный цвет. Сейчас полотнище выглядело как серо-грязно-лиловая тряпка с нарисованными на ней свежими письменами, болтавшееся на каменной кладке из булыжников, словно транспарант на каком-нибудь Доме Советов.

– Однако, – удивился европеец. – Кто это здесь потрудился? Ведь писано совсем недавно. Или я ошибаюсь?

– Это соёмбо,¹⁵ – пояснил китаец. – Соёмбо хозяину, – он снова поклонился европейцу.

Теперь понятно, почему проводник тащил европейца к чортэню и до сих пор усердно тыкал пальцем с неостриженным длинным ногтем в намалёванные на полинявшем лоскуте письма. Турист кашлянул, принял важную позу, но, поскольку всё равно без перевода не смог бы понять смысл писанины, попросил китайца перевести письма на более понятный язык.

– В огне он пришёл, солнце и луна встретили его у дацана, – забубнил шерп. – Но он должен принести смерть или же забрать её. Этому поможет Ян – Инь, единство истоков всего сущего. Это круговорот в прошлом, настоящем и будущем при помощи двух рыб. Соёмбо должно быть золотым. Здесь писано чёрным. Значит, двум друзьям решать – овладевать хозяину силой или же оставить её под небом овладения.

– Это всё здесь написано? Но ведь никто не знает, что мы отправились в дацан! – ошеломлённо прошептал европеец. – Кто же мне советует овладеть силой или же оставить её?

Европеец в растерянности обошёл вокруг чортэня, выискивая глазами – нет ли ещё чего такого-этакого! Но ничего, кроме написанного больше не было видно. Лишь несколько прилежно обглоданных костей, то ли шакалами, то ли леммингами валялось у выложенной из крупного булыжника высокой стелы чортэня.

Шерп посмотрел с едва заметным презрением на белого бедолагу, отошёл в сторону, уселся на особый молитвенный коврик, который он вытянул из перемётной сумы, и неподвижно уставился на мускулистые струи горного ручейка. Видимо, китайцу необходимо было побеседовать с ручейком наедине. От настоящих живых и весёлых струй исходил постоянный серебряный шёпот, переливающийся иногда в хрустальную родниковую песню, так что неудивительно внимание шерпа, оказанное живому собрату.

Вскоре оба путешественника вернулись к разложенному костру, не устававшему разогревать походный котелок. Ночь довольно бесцеремонно вторглась в ущелья и долины Тибета, как чёрная мутная вода во время паводка. Стремительно поднимаясь к вершинам, захлёстывала, заглатывала, запрыгивала в своё нутро всё живое, попавшееся на пути, а особенно человека, которому назад уже не было никаких дорог, да и незачем, потому что Горная Ночь исполнит все имеющиеся мыслимые и немыслимые желания, заплатит прошлые долги, заставит забыть пережитое. А будущее?... Будущее ночь предложит только своё, каким оно должно быть и заста-

---

¹⁵ Древнейшая китайско-монгольская идеограмма. Подорожные письма.

вит полюбить это будущее всем человеческим нутром, всем ещё не до конца истерзанным существом души и сознания. Вот что такое настоящая Горная Ночь!

Европеец тут же сравнил ночь и ручеёк – эти два живых потока, протекающие рядом. Только ничего путного не обнаружил, потому что поток маленького ручейка в потёмках звучал весело, многообещающе и совсем беззаботно, а струи ночного неба давили на сознание, словно шуга,¹⁶ свалившаяся с оплавленных каменных круч, с которой ни о чём договориться нельзя. На то она и шуга.

Лицо китайца, оттеняемое бликами костра, было похоже на изваяние жестокого азиатского божка Бодхисатвы с одиннадцатью головами и четырьмя парами рук, которому совсем недавно была принесена жертва из мантр, пробормоченная здесь же, у чортэня.

Европеец в своих скитаниях по Тибету, Индии, Китаю, Малой и Передней Азии, сменил многих шерпов, но такого вот встретил впервые. Не то чтобы китаец был каким-то очень необычным, непревзойдённым молитвенником или живым многообещающим компаньоном, только в его физическом существе проглядывала inferнальная сущность человека, живущего одновременно в нашем и потустороннем мире, не считающего это ничем необычным, мол, каждый может так жить, если очень захочет и боги помилуют, а демоны не обидятся.

Впрочем, inferнальный – не просто потусторонний Зазеркальный мир, существующий по соседству с нашим, а его неотделимая нижняя тёмная часть. Каждый символ, каждый человек в этом мире произвольно является зеркальным отражением потустороннего и если человеческий характер признаёт только тёмное, анархичное, возбуждающее отражение себя самого, то сразу же становится inferнальной угрозой остальных. Шерп усердно показывал свою набожность, но не столько для окружающих, сколько для себя, пытаясь тем самым заполучить помилование богов и уверить в первую очередь себя самого, что исполнительнее и добрее, чем он сам, проводников не бывает. Во всяком случае, в этом горном и земном мире.

У китайца с богами были явно свои китайские отношения, только вот европейцу помилования у богов выпрашивать явно не хотелось и совсем не из ханжества, не из расчёта. Достаточно сил не так давно потрачено им было на уламывание Далай-ламы, не склоняющегося даже к постыдной беседе с белым дикарём, не то, чтобы обсуждению паломничества.

И только когда тот своими жёлтыми священными ушами услышал песни Калачакры – тайного тантрического учения, возглашённого пресвятой Адишей – прозвучавшие из уст белого бродяги, только тогда поверил, что белый действительно обетованный Чампа Майтрея,¹⁷ и помог ищущему истину в дальнейших поисках. Скорее всего, Далай-ламу к благосклонному решению побудили совсем не песни Калачакры и даже не богатые подарки из страны гиперборейцев, а письмо индийских гуру Востока, посланное гиперборейским вождем Советского Союза и привезённое пришельцем назад, в Лхасу.

Европеец полез за пазуху, но достал оттуда вовсе не таинственное послание индусских махатм, а находящуюся в том же кармане металлическую фляжку с весело булькнувшим содержимым. Отвинтив металлическую пробку, он накапал в неё мизерную порцию пахучего пойла и протянул шерпу:

– Амрита,¹⁸ – причмокнул белый толстыми кривыми губами и в подтверждение даже зажмурился.

Китаец недоверчиво принял из рук белого дикаря пробку с глотком жидкости, понюхал, но пить не стал. Тогда европеец отнял у него пробку, выпил, крякнул, потряхнул головой, налил ещё и снова протянул проводнику. Шерп опять взял своеобразную рюмашку, понюхал и после длительного раздумья всё-таки решился выпить.

¹⁶ Шуга (тибет.) – свирепый камнепад.

¹⁷ Чампа Майтрея (тибет.) – любящий грядущего Будду.

¹⁸ Амрита (тибет.) – напиток бессмертия.

Мизерный глоток не вызвал ни надсадного кашля, ни ещё какой-либо видимой реакции. Проводник просто сидел, уставившись в одну точку. Обычная поза для китайца. Но когда европеец снова потянулся за пробкой-рюмочкой, то шерп просто не заметил протянутой руки. Тогда путешественник попытался помахать перед глазами китайца ладонью, только реакции на это никакой не последовало. Белый несколько раз ударил проводника в плечо, но тот совсем не заметил суеты и ничуть не изменил позы.

Европеец взял всё-таки из рук шерпа колпачок, ещё раз наполнил и выпил сам. Китаец всё так же сидел не шевелясь. Но вдруг его словно прорвало, как яростный поток мускулистых струй прорывает плотину. На лицо и на лице было всё, что возможно и невозможно от такого мизерного количества лекарственной влаги: слёзы, кашель, сопли, отдышка, чих, рык... да много чего ищчо, как говорят в народе. Всё это выглядело, будто человек впервые в жизни узнал, что такое глоток лекарственного поила. А, может быть, действительно впервые? С трудом верится, но что только в этих горах не увидишь.

Такая непредвиденная реакция китайца несказанно обрадовала белого. Он, расплываясь улыбкой, показал проводнику обеими руками два больших пальца. Потом, обуреваемый подкатившей энергией, вскочил, исполнил возле шерпа как вокруг новогодней ёлки, хоровод в присядку с гопаком. Наконец, отдуваясь, плюхнулся у костра и выпил снова.

– Скажи, смерд, ведь истинно божий напиток, а? – заорал он в ухо проводнику, будто тот был глухим.

Китаец к тому времени уже немного успокоился. Презрительная усмешка, скользнувшая по его тонким прямым губам – это, вероятно, всё, чем он мог ответить разгулявшемуся паломнику. Вероятно, жителям Тибета вообще нельзя никак и никогда реагировать на суету земного мира, тем более населяющих его отбросов человеческого общества, обуреваемого страстями, вожделениями и стремлениями к непреодолимой власти.

Меж тем европеец принялся вдруг разглядывать своего проводника в упор, будто только что увидел, явно подыскивая повод вызвать на разговор или вынуть из молчания. Искал, так сказать, с какой стороны к проводнику можно подъехать на хромо́й козе, а не умение деликатно общаться с людьми или же отыскать нужную тему для общения – это удел всех бледнолицых. Во всяком случае, европеец так и не решил с чего начать серьёзный, как ему казалось, разговор.

Не совсем с этим определившись, вернее, совсем не определившись, он решил сделать ход конём, преподнесённый когда-то Александром Македонским всему окружающему миру при решении проблемы Гордиева узла. В этот раз европейцу показалось, что задаваемый шерпу вопрос – это действительно тонкий психологический подход к малознакомому человеку, тем более к китайцу, но никак не удар топором, то есть не топорная работа.

– Сенпай, а почему ты вызвался показать мне дорогу в мёртвый дацан? – европеец даже решил прищёлкнуть языком в унисон проводнику. – Ведь эти места давно заселены злыми духами, от которых нет спасения грешным ни в этом, ни будущем мире.

– Я саннясин, – ответил китаец после непродолжительного молчания.

– Саннясин, саннясин... саннясин-сенпай – это кающийся ученик вроде бы по вашим понятиям?

Ранг-ду утвердительно кивнул. Потом, сняв с огня закипевший котелок, всыпал туда изрядную жменю чая, приправленную душистыми тибетскими травами и священным остролистом. Что ни говори, а этот напиток является положительным для любого застолья и даже очень отрезвляющим, чего не хватало сейчас обоим путешественникам.

После нескольких глотков чая они почувствовали себя много уверенней, тем более что знакомы были уже не первый день. Одному хотелось узнать, почему сенсей¹⁹ отпустил ученика Ранг-ду в авантюрное путешествие по Гонгхангу, а другому...

¹⁹ Сенсей (кит.) – учитель. Обычно психофизиологическое учение чередовалось с эвтаназийным.

О том, что хотелось узнать китайцу, не узнает никто. Он для этого снова превратился в медитирующую мумию, от которой отлетало всё постороннее, стремящееся хоть чем-то нарушить отрешённость жителя Тибета.

Конечно, разрешение самого Далай-ламы, выданное европейцу, значило многое, если не всё. Но даже полученное мистическим путём разрешение не имело за собой объективной причины для свободного проезда, потому как табу для посещения оных мест ложится на всех без исключения. Ведь недаром же паломники и даже нищие давно забыли сюда дорогу по запрету того же Далай-ламы Гензин-Гьяцо XIV. И вот, как взрыв всеобщего спокойствия, святой Далай-лама, околдованный белым колдуном, принял не совсем святое решение и разрешил чужому путешествовать по Тибету. Если существует какое-то табу, тем более для посещения гомпа или дацана, то получить разрешение на въезд вовсе не хватит распоряжения одного только Далай-ламы. Таков закон.

В дацане, куда направлялись двое паломников, по сию пору жили с десятков монахов вместе со своим наставником. Невесть кем построенный в незапамятные времена среди неприступных скал дацан был как бы прибежищем злых горных духов, заселивших эти безлюдные непроходимые места. С тех пор, как горные духи облюбовали Гонгханг, сюда отпала охота появляться даже пастухам, хоть травой здешние пастбища могли похвастаться без излишней скромности.

Что поделат, земным демонам тоже где-то обиталище искать приходится, таков этот мир. Им даже не нужно разрешение Далай-ламы. А легенда о последнем ламе, наставнике оставшихся в живых монахов, знающем Великую Тайну, с лёгкой руки китайских, монгольских и сиамских пастухов разнеслась по всему миру. Только, что в какой-то Великой Тайне воистину великого и что запретно тайного, не знал никто, но если она есть, эта самая Великая Тайна, то, значит, должна быть и её необходимо охранять от посягательства чужих. Никакое сомнение на этот счёт не принималось никем из местных жителей.

Европеец сам услышал однажды как старый монгол, делая узкие глаза круглыми, даже с небольшим экзальтационным выкатом, рассказывает небылицы. Может быть, страшная байка такой бы и осталась, не поинтересуйся европеец на свою беду историей, наукой, не терпящей никакого сочинительства.

Оказалось, что известная всему миру где-то существующая Шамбала действительно существует то ли на Тибете, то ли в Аркаиме, на юге Рипейских гор, то ли в глубинах Тянь-Шаня в Шомэне или же возле гималайской Лхасы. Мысли по этому поводу высказывались разные, но вот артефактов, к сожалению, было пока маловато.

Кто ж знал, что факты нечаянно попадут в лапы даже не монгола, не китайца, не индуса, а какого-то дикого европейца? Он досконально принялся изучать материалы, в которых оповещалось, что благоволение ламы хранителя тайны многим было желанно. Многие этого добились, стремились к этому, но сам хранитель не каждому оказывал внимание, не говоря уже о нелюдях с обесцвеченной кожей и жидким умом.

Настоятель гомпа оказался хранителем какой-то древней штуки, сотворённой, конечно же, не здесь, но дающей власть над многими энергиями мира сущих. О таких энергиях людям известно давно со времён Гермеса Трисмегиста и далеко не каждому давался ключ, чтобы открыть заветную дверь, за которой...

Что в том заповедном Зазеркальном царстве находится, доступно ли оно не знал никто, и никто ещё не отваживался открыть заветную дверь. Но каждый человек должен в своей жизни открыть хотя бы одну дверь. Вот каждый и открывал не сообразив ранее, а сможет ли он закрыть эту дверь и управится ли с тем, что ждёт его за легко открывающейся дверью? Может быть, там лежит какой-нибудь простой сувенир?

Завладевший таким сувениром запросто смог бы претендовать, скажем, на трон Государства Российского. Да что там одна страна! Владеющий инфернальной тёмной энергией может запросто обладать всем миром: всеми царствами, всеми людьми! Странами! Землями! Если бы

это было не так, никто не стремился бы попасть в дацан к ламаистскому настоятелю. Поэтому жадных до чужого добра и завистливых гостей было хоть отбавляй.

Чаще всего разного рода авантюристы просили ламу посвятить их в религию Бон По. Дескать, только в этой религии и только под руководством настоятеля можно отыскать истину и услышать слово Божье.

Лама никому не отказывал, но часто новообращённые принимали на глазах у всех мученическую смерть. Допустим, трое новообращенных отправились как-то в деревню Карамса-ли и прямо на базарной площади все трое упали, принялись кататься по земле, подвивая, скуля, выкрикивая непонятные слова. Вдруг все они лопнули, как мыльные пузыри, а на обнажившихся кусках мяса стали видны извивающиеся черви.

Ещё раз пастухи встретили парочку новоиспечённых правоверных, готовых пожертвовать всеми, кроме себя, на высокогорном пастбище. Эти новые монахи как хищные волки набросились на стадо овец и принялись рвать животных зубами. А когда один из пастухов замахнулся дубиной на перемазанного кровью хищника, в образе человека, оборотни набросились на него и также загрызли.

Остальные пастухи, видя кровавую бойню, тут же пустились наутёк, бросив стадо – своя чуба ближе к телу. Им удалось спастись, но потом, ни стада, ни кровожадных вампиров больше никто не видел.

Люди стали бояться этого места. В гомпа ещё стекались паломники, только дацан уже все обходили стороной. Народная память никогда не умирает, и кто-то из пастухов вспомнил, что прибежище горных духов в древности звалось Друк Юл – королевство драконов грома. Поэтому злые духи и выбрали это место, ведь на земле у всех должно быть своё место и никогда болотные лягушки не смогут жить в чистой горной воде, где только форель можно увидеть, не двигаясь с места под напором холодной струи, и только иногда слегка поводя плавниками, рыба выравнивала своё водостояние. Вот так и духи выбирали себе на нелюдимом Тибете монастырь Друк Юл. Видимо это место лучше всех подходило духам для земной обители.

Может быть поэтому, может, ещё почему, только дацан покинули почти все служители жёлтой веры, лишь последний лама, как злой дух-хранитель бродил по осиротевшей опустевшей обители в сопровождении таких же, как он, проклятых Богом, не принимаемых землёй, гонимых отовсюду, но продолжающих жить на белом свете.

Иногда лама появлялся на стене дацана в обычной бордово-оранжевой монашеской одежде и долго стоял так, выкрикивая в пространство то ли заклинания, то ли слова странных никому не понятных молитв. Потом где-то за стеной, оставшиеся в живых монахи принимались стучать в тамбурины и дуть в туры рога. Музыка при этом получалась чудовищная, адская, одним словом.

Поэтому пастухи перестали гонять стада на здешние тучные и плодоносные пастбища, да и охотники обходили этот край стороной, дабы не увидеть ненароком страшного места и его жутких обитателей, продавших душу горным духам.

Много с той поры воды утекло, но люди уверяют, что ни последний лама, ни монахи до сих пор не умерли, потому что не обзавелись наследником – никто не хочет принять власть и титул хранителя зла. Вот они и ждут, что появится преемник и освободит их от вечного проклятия.

Ароматный запах горячего чая поднимался над котелком, действительно располагая к откровенности и европеец, стараясь придать голосу чувствительную гамму яко бы доверительных отношений, задал ещё один на первый взгляд ничего не значащий вопрос:

– А кто наложил на тебя епитимью, послушание или она у вас кармой, по-моему, называется?

Он почти не надеялся, что шерп отзовётся, тем более, молчание китайца было обычным его состоянием. К тому же белый знал: исключительно все азиаты, ну, или почти все, с нескры-

ваемым презрением относятся к остальному населению планеты, считая их полулюдьми. Европейец почти угадал, потому как острый взгляд, брошенный китайцем, выдал его с головой. Но, быстро овладев собой, шерп опустил глаза и всё-таки пробормотал:

– Сенсей – великий учитель. Я должен помогать всем, кому нужна помощь. И тогда Всевышний укажет мне путь познания истины. Мудр не тот, кто нашёл истину, а тот, кто знает путь познания.

– И ты решил показать мне дорогу в мёртвый дацан, решив, что это путь истины? – ядовито усмехнулся путешественник. – Ты же знаешь, что из дацана ещё никто живой не возвращался. Твоё согласие показать дорогу – это просто мой смертный приговор. Разве не так?

– Ты просил – я должен помочь, – бесцветно ответил проводник.

– Помочь мне убраться на тот свет? – не отставал европейец. – Есть человек, есть проблема. Нет человека, нет проблемы. Так в чём ты хочешь мне помочь?

– Я должен помочь отыскать твою дорогу, – снова бесцветно ответил китаец.

– Мне? Мою дорогу? – взъерепенился путешественник. – Но эта дорога ведёт к смерти. Неужели она моя? Неужели мне в этой проклятой жизни ничто больше не обломится, кроме дороги в Тартарары, то есть в Тартар?

– Ты сам выбрал её. Человек свободен в выборе между добром и злом, – китаец разлил по кружкам чай и оба путника принялись за вечернюю трапезу. – Завтра на место придём. В дацан пойдёшь сам. Мне туда показаться нельзя. Завтра увидишь свою дорогу, а выбор – за тобой.

– Завтра так завтра, – согласился европейец. – Только что ж ты божьего храма пугаешься? Здорово же вас всех бабьи сплетни заморочили, под каждым кустом рогатого ищите. А в заколдованном дацане и того хлеще. Тамошние монахи, поди, в упырях у вас числятся?

– Я сенпай, я многого не знаю, – шерп сделал паузу, подбросил хворосту в костёр. – Сенсей знает много. Он говорит, нельзя попасть в мишень, только целясь в неё: нужно обязательно выстрелить.

– Твой учитель знает философию дзен? – недоверчиво усмехнулся европейец. – Чему может научить ваше учение, кроме как безболезненно убивать?

– Сенсей знает много, – повторил китаец и принялся расстилать циновки возле костра.

Путешественник решил всё же оставить в покое спутника, чувствуя, что тот и так много времени уделил на разговор с белым дикарём. Ему за лишнее словоблудие может здорово попасть от учителя, то есть сенсея. Что говорить, дорогу он всё-таки показал, а ведь на это не каждый согласится. Значит, есть в его душе та частица чистоты, которая заслуживает всяческого уважения.

Костёр весело разбирался с хворостом да так, что косточки у того не уставали трещать. Путешественник усталился на старающийся привлечь к себе внимание огонь. В различных долгих и не очень путешествиях он любил перейти на немой язык разговора с пламенем. Именно тогда в голове возникали какие-то удивительные образы, которые вскоре получали реальную материализацию: явившись прямо из темноты, словно какие-то путники. Эфемерные образы присаживались рядом возле костра, даже высказывали свои собственные мнения, анализируя поступки прошлого дня. Сегодня присевшие у огня не высказывали никаких отрицательных мнений по поводу совершённых поступков. Единственное, что было сделано напрасно, это предложенный шерпу глоток амриты. Проступков не должно быть! Ничего такого не должно совершаться, ведь дело ещё не сделано. Европейец снова полез за пазуху, пощупал фляжку, но в этот раз доставать её не стал, а потянул из кармана приютившийся рядом с фляжкой кусок плотной бумаги в конверте.

Европейец перед этим за всё путешествие доставал конверт из кармана только один раз при беседе с Далай-ламой. В конверте на аккуратно сложенном папирусе текст был написан на двух языках – санскрите, ибо не все подписавшиеся знали какой-нибудь другой язык, и

на русском, потому как письмо адресовалось председателю Совнаркома товарищу Чичерину. Путешественник достал из кармана подлинник письма и развернул:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков жизни, вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы признали, что религия есть учение всеобъёмности материи. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28–31 – 36. Привет Вам, ищущим общего блага!».²⁰

Письмо всего лишь год назад вручил Чичерину сам Николай Рерих, именно из-за этого вернувшегося ненадолго в Москву, прервав свою экспедицию по Центральной Азии. Вместе с письмом председателю Совнаркома был передан диковинный резной ларец с гималайской землёй и надписью на крышке: «На могилу брата нашего, махатмы Ленина».

Ларец вместе с землёй сейчас занял уготованное ему место по адресу или где-то рядом, но дело вовсе не в нём. В Союзе советских писателей тот же Николай Рерих предоставил ещё несколько наиболее существенных и заманчивых артефактов, касающихся Шамбалы вместе с этим проклятым дацаном. Из-за головокружительной информации, полученной от художника, европеец ринулся во все тяжкие скитания по Индии и Китаю. Но если дело выгорит, то время не зря будет потрачено!

Всё началось в Центральном Доме Литераторов, прозванного в ту пору москвичами «Камнем преткновения». Вернее, даже не в нём, а в соседнем особняке, унаследовавшем от сгоревшего старого только название. А если честно, то наследством являлось не только название, но и те же литературные завсегдатаи, кузнецы человеческих душ, не успевшие догореть в старом «Камне преткновения» или не попавшиеся тогда под пожарные молотки.

Путешественник вспомнил, как в тот вечер поджидал его в новом, обживаемом месте для встреч историк Щёголев – давнишний приятель, завзятый оппонент и устроитель диспутов. Он послужил движителем идеи, указавшей путь в заброшенный дацан.

– Алексей! Алексей! – истошно орал историк, размахивая руками, сидя за оккупированным в буфетном зале столиком. – Давай сюда, я уже полчаса дожидаюсь! Твоя водка давно прокисла!

Щёголев услужливо отодвинул стул и попытался продолжить то ли заготовленную и продуманную заранее, то ли просто наболевше-закипевшую вступительно-изумительную речь.

– Алексей Николаевич, я вас, признаться, не просто так жду. Я и Тришку с запиской к вам за этим посылал. Получили? Вот и славно. Сейчас в стране каждый день что-то происходит. Ведь совсем недавно мы с вами сетовали на голод, холод, на то, как большевики страну пропивают, храмы рушат. А теперь!

– А что теперь? – Алексей Николаевич поднял удивлённо брови. – Вы, Щёголев, историк до мозга костей и любое нововведение для вас – находка! Победа грядущего социализма! Обновление или как бишь её? – «перестройка»! Все ждут чего-то нового и даже новых хозяев. Перестройка должна, нет, просто обязана перестроить драных социалистов в нужную сторону! А их нет! Некому управлять страной, кроме сраных кухарок! У этой страны нет хозяев! И не ожидается! Повыныривали откуда-то из купален чужие и взялись править тем, о чём ни пред-

²⁰ Текст письма Чичерину от индусских махатм приведён подлинный.

ставления, ни смысла не имеют. И эти чужие уже просто так власть не отдадут, пока не испоганят, не распродадут могучую Россию, не разбазарят её по мелким кусочкам.

– Чужие? – переспросил историк.

– Да-да, любезный, вы не ослышались, – кивнул Алексей Николаевич. – Откуда взялись, спрашивается? Кто они? Неизвестно. Ещё недавно почивший в бозе Вождь мирового пролетариата Ульянов-Бланк говаривал, мол, у нас и кухарка сумеет управлять государством. Вы можете, милостивый государь, представить себе кухарку, управляющую аэропланом? или же пароходом? или же крейсером «Варяг»? Не можете? Вот и я тоже. Но чужаков вместе с Лейбой Бронштейном-Троцким наплыло множество, и по каким инстанциям! Директор филармонии или какого-нибудь театра – чужой. Начальник почтового управления – чужой, директор соцобеспечения – однозначно чужой. Директор московского телеграфа – и подавно. А уж про финансовые структуры и говорить нечего! Но все мелкие чужаки лебезят перед чужим высокого полёта, перед американским ставленником Лейбой Бронштейном. Он – реальный командарм всеми войсками торгашей-архантропов без исключения. А кто командует армией, то и музыку заказывает. И если на очередном декабрьском съезде кто-нибудь не обуздает чужого, то Россия очень скоро превратится в большой мировой базар и будет окончательно разворована и превращена в кладбищенскую помойку!

– Тихо вы, тихо, Алексей Николаевич! – сдавленно зашептал Щёголев. При этом глаза его чуть выкатились. Собеседник Толстого явно опасался, что его приятель будет не к месту услышан. – Я вполне вас понимаю: вы неплохой писатель, а ни «Хождение по мукам», ни, скажем, «Аэлита» спросом не пользуются. И дело тут не в том, кто пришёл к власти, а в том, как исполняющих власть использовать нам! Вот, например, что вы про исполняющего обязанности Генерального секретаря ЦК ВСПС Сталина сказать можете? Ничего? Я так и думал. Но заметьте, дорогой вы мой Алексей Николаевич, у этого исполняющего обязанности в рабочем кабинете висит портрет, кого бы вы думали?.. никогда не догадаетесь! У него в кабинете висит портрет императора Всея Руси Петра Первого. Что? Съели? Вы пейте, пейте кофе, Алексей Николаевич, я сейчас ещё закажу.

Его собеседник потянул было к себе чашечку, но пухлые пальцы не удержали мизерную ручку и чашечка, угрюмо звякнув о блюдец, опрокинулась на стол.

– Ах ты, недолга какая! – воскликнул историк. – Человек! Человек! – окликнул он официанта. – Уберите-ка, товарищ, у нас невзначай чашка опрокинулась. Да принесите новую. И, если можно, то «Рио-Риту» поставьте, будьте любезны. Да-да, «Рио-Риту».

Пока официант убирал, со стола скатерть, принёс и застелил новую, Алексей Николаевич пробежал глазами по залу. В новом Доме литераторов всё было по-новому. Даже для зланных мест распития водки и кофе имелось два зала в отличие от старого. Но публика мало изменилась. Не изменились также напитки, поскольку среди литераторов полагалось поразглагольствовать о том, как и куда надо перековывать души человеческие либо за рюмкой чая, либо чтоб было чем селёдку под шубой запить.

– Я вам, Щёголев, пока официант суетится, дам сказочку прочитать, – деятельно заявил Алексей Николаевич. – И чтобы к тому времени пока у нас появится новый кофе, у меня ответ был. Благоволите! – он через стол протянул историку несколько листков, исписанных чёрными чернилами.

Тому не оставалось ничего как взять листы и углубиться в их смысл, поскольку давно уже напросился в душепочитаемые критики гонимого из всех издательств советского графа Алексея Толстого. Но сам Щёголев доподлинно верил, что Алексей Николаевич ещё возьмёт своё и всякие там Демьяны Бедные, равно как Фадеевы с Лебедевыми-Кумачами будут Толстому в ножки кланяться!

А сейчас необходимо было ознакомиться с очередным опусом, тем более, Алексей Николаевич всем своим видом показывал: читай, мол, читатель.

Судьбинушка у тебя такая.

СКАЗКА ПРО ЧАЙ: Сразу за нитяными вспышками прозрачного бабьего лета на город навалилась холодная ветерная непогода, подкрашенная крапчатым дождливым небом с небольшими просветлёнными перекурами.

По мостовой, не особенно обращая внимание на всхлипывающие под ногами лужи, чуть ли не строевым чеканил человек в длинном кожаном – до пят – пальто с поднятым по случаю непогоды воротником, в надвинутой на глаза шляпе с большими обтрёпанными полями и помятой тульёй.

Обтрёпанный господин шагал к особняку, перегородившему жёлтым оштукатуренным боком добрую половину кривой худосочной московской улочки, за что и прозвище получил благозвучное: «Камень преткновения». Надо сказать, что в «Камне преткновения» частенько собиралась литературная братия отнюдь не христианского толку, поскольку богоборческую политику партии и правительства надо было донести в тёмные народные массы самым светлым и светозарным образом при помощи идеологически подкованных прорабов стройки, недостройки и перестройки человеческих душ.

Причём, большинство писак малого, среднего и не крупного пера готовы были души свои «перековать на орала», лишь бы вовремя да поближе подпустили к сытному литфондовскому корытцу. И ковались будущие перековщики душ в этом самом писательском вертепе, уча и поучая друг друга за рюмкой чая, кулаками вышибая истину из пыльных толстовок товарищей, витийствуя зело притом.

Банкетный зал «Камня преткновений» привычно зудел по-шмелиному на разные голоса, так что вновь прибывший быстро вписался в тему, ничем особым не выделяясь, не обращая на себя внимания. Новобранец примостился за свободным столиком, покрытым аляповатой заляпанной соусами и вином скатертью, на который водрузил принесённый с собой картонный планшет, размером превышающий столешницу.

Развязав тесёмки, освобождая свою ношу от картонных вериг, незнакомец поминутно отдёргивал руки, будто обжигаясь, но снял-таки и благополучно отправил далеко в угол ненужный уже планшет. На столе осталась лежать алтарная икона с изображением Николы Мир Ликийских чудотворца.

Пришелец давно уже растворился в надвинувшемся облаке табачного дыма, сверкнув на прощание озорными глазами из-под обтрёпанных полей своей необъятной шляпы, но никто из присутствующих, занятых исключительно собственными гениальными произведениями и не менее гениальными мыслями, посетившими вдруг ужасно гениальные головы, не обращал на икону внимания. Возможно, выходка незнакомца так бы и окончилась ничем, поскольку кто-то из классиков уже оставил, походя, на иконе кружку недопитого пива, кто-то из полуклассиков уже об угол доски потушил папироску «Прибоя», но... Но без женщины и тут не обошлось, поскольку должен же кто-то крутоумным, туполобым мужикам подбросить яблочко раздора.

– А-а-а-а! Смотрите, гадость какая! – заверещала довольно мясистая модно раздетая корова. – Кто сюда это приволок?!

Накуренный монолит атмосферы «Камня преткновений» качнулся в одну сторону, в другую... Ароматы «Герцеговины флор», «Прибоя», «Казбека» и ещё десятка папиросных вариаций слились в одну общую атмосферу. Мирный ход мирной истории был нарушен. К столику стали собираться маститые и не очень, но каждый на глубину своей масти считал возможным резюмировать происшествие:

– Да уж, кто-то нам действительно свинью подложил.

– Этого только не хватало!

– Хм... какая большая. И талантливого письма, надо сказать. Жаль, художник свой талант использовал не по назначению.

– Какое назначение? О чём вы говорите, товарищ! Выбросить эту мазню на задний двор – и дело с концом. Там истопник определит её куда надо.

– Товарищи! Зачем истопник? Давайте лучше сами истопниками поработаем. Давненько мы наш сорокаведёрный самовар не растапливали. Не пора ли почаёвничать да за жисть покалякать. А из доски-то такая лучинушка для самовара выйдет – сказка!

Толпа писарчуков оживлённо загудела, как потревоженный осиный улей.

– Виссарион! – перекричал общий гуд тот же голос, обращаясь к кому-то из толпы, теряющемуся в задних рядах, – А не порубишь ли ты, товарищ, эту доску на чурочки для самовара?

– Легко, – пробасил Виссарион и, раздвигая могучим животом маститые тушки писателей, протиснулся к столу. – Легко! Нонешний чаёк посвящён будет имажинистскому сословию. Идёт?!

– Даже едет! – пискнула какая-то авантажная пионерка. – Ой! Ужасно хочу чаю! Ужасно!

Кто-то уже, воспользовавшись всеобщим отвлечением от собственных дел, пытался привлечь внимание общества к себе-любимому, кто-то просто рассуждал в пространство о неразделимости миров и сословий, а те, что пошустрее да поухватистей, тащили к камину огромный клубный самовар, труба которого крепилась к дымоходу камина.

Экстравагантные пиитессы, подоткнув по случаю юбочки выше положенного, расставляли на сдвинутых в центре столов разнокалиберную посуду под надвигающийся чаёк, раскладывали по тарелкам тут же сочинённые бутерброды. А Виссарион и иже с ним уже суетились вокруг разгорающегося самовара, подкидывая в него чурочки ещё недавно бывшие одной целой иконой.

Самовар разгорелся охотно, благо, дерево оказалось на редкость сухим, намоленным, так сказать. Только запах от сгоревших дровишек, превратившихся в уголья, расплзался по ноздрям разнокалиберных писарчуков не очень-то аппетитный. Из разных мест слышались даже временные «апчихи» и скудный сдавленный кашель. Скоро свежеистопленный самовар с огромным заварным чайником наверху водрузили в центре импровизированного банкетного стола. Всех присутствующих охватила необъяснимая волна экзальтации и шуточки типа: «Чай, так чай!», «Пить, так пить!» – сыпались отовсюду, сопровождаемые нервическим подхихкиванием пиитесс, продолжающимися «апчихами» и возмущением кастратного фальцета по поводу запаха.

– Иконный чай, – басил Виссарион. – Иконный чай! Налетай! Выпивай! Господу Богу помолимся! Вот тебе и весь аллилуй!

– А что, братцы, чаёк отменный, даром что иконный! – решил оказать чаю должное тот самый кастратный фальцет.

– Да-да, я бы сказал даже со специфическим ароматом, – подхватил Виссарион.

– Друзья! А у меня тут экспромт на почившего в бозе Николая-угодника...

И вдруг сквозь весь этот восторженный шум-гам-смех, словно смертельная стрела викинга, пролетел визг:

– Пожа-а-а-а-а-ар!..

За устоявшимся монолитом винегретного табачного дыма никто сразу и не приметил дымок, потянувшийся от невесть как закурившихся останков иконы, брошенных возле обитой китайским шёлком деревянной перегородки, которая также вспыхнула с готовностью сухого пороха и клочки огня, точно солнечные блики, перепрыгивали со стены на всё деревянное, что имелось в «Камне преткновения».

Таким же бурным огнём вспыхнувшая паника – с визгом, криком, топотом – бросила волну человеческих тел к входной двери, оказавшейся к тому же запертой. Никто почему-то даже не пытался сбить или потушить пламя, которое, как бы почувствовав свою власть над людьми, загудело, затрещало, заискрилось, отвоёвывая всё новые и новые территории.

Обезумевшая толпа двуногих рыскала посреди огня, пытаясь прорваться к окнам, забранным ажурными решётками, то снова и снова к никак не открывающейся входной двери. Наконец, несколько человек, ещё не совсем одуревших от воплей, дыма и пламени, выскочили в подсобку, из которой по коридору можно было выбраться на задний двор. Но краска на двери в коридор подозрительно пузырилась, а из щелей валил всё тот же сиротский торжествующий дым всеобъемлющего пожарища. Дверь вспыхнула, яркие языки сине-оранжевого огня заплясали во всей своей необузданной красоте, заблаговременно предвкушая близкую человеческую поживу.

У чугунной ограды «Камня преткновений» стоял давешний кожаный в широкополой шляпе и спокойно наблюдал бушевавший внутри пожар. А по палисаднику метался испуганный беспомощный дворник, размахивая руками, шлёпая толстыми беззвучными губами, как рыбец, выброшенный на лёд.

– Не суетись, папаша, – негромко, но внятно произнёс незнакомец. – На-ко лучше выпей чайку на помин души... – и к ногам оторопевшего дворника упало несколько весело звякнувших полтинников чистого серебра.

– Ну и что? – Щёголев сдвинул очки на кончик носа и поверх посмотрел на приятеля. – Думаете, разражусь хвалебными или не в пример ругательными откликами и пыхтением надутых щёк? Вот в этом – весь вы, всё равно как на ладони, милейший! Тема, конечно, затронута интереснейшая, только никто этого читать не будет, как не читают ваше прекраснейшее «Хожение по мукам». Ну, был пожар – исторический артефакт! Ну, подожгли имажинисты Центральный Дом Литераторов. Что с того? Если бы, допустим, среди них Есенин погорел, тогда ещё куда ни шло. Но о нём уже в «Англетере» большевики позаботились. Неужели вы свято верите, что кто-нибудь обратит внимание на всю вашу похабную мистику? Может быть, она действительно переплетена с историей, но масскультуре до этого нет дела.

– Что же, прикажете под дудку массокультуры приплясывать гопака вприсядку и с выходом из-за русской печки? – хмыкнул Алексей Николаевич. – Не слишком ли дорогая плата?

– Эх, дорогой мой, – глаза Щёголева блеснули менторским оттенком. – Через массокультуру общество навязывает любой и каждой личности стандарт жизненного успеха. То есть, ты должен делать то-то и то-то в таких-то рамках! Само нарушение общих рамок – трагедия, граничащая с вычёркиванием из общества! Подумайте над этим и вспомните того же Есенина: он отказался принять милость стать главным редактором правительственного литературного журнала и вскоре поплатился жизнью. Лейба Бронштейн не простил ему явного пренебрежения. А вот ежели вы за нынешнюю деревню возьмётесь, это всех точно заинтересует. Особенно товарища Сталина. Ведь глубинка стоит на краю пропасти! И это не простые слова. Это жизнь наша сермяжная, потому как русской деревне умирать никак нельзя! А какая же Россия без деревни, без сельскохозяйственного прокормления народов?! Вспомните хотя бы Первую мировую. Ведь тогда Россия экспортировала хлеб! Где вы такое ещё найдёте, чтобы страна во время войны торговала своими продуктами?! Нигде и никогда такого не было и не будет. Недаром чужие Петра Аркадьевича Столыпина застрелили. Потому как он налаживал русскую деревню! Только никому из забугорных хозяев не нужна могучая страна, как не нужна и ненавистна она была в своё время молодому царевичу Петрушеньке Алексеевичу. Вот тогда впервые и начал по Руси пришлый народец рыскать. А сейчас уже во многих деревнях чужие пришлые и нездешние давно порушили храмы. Пытались вместо веры читать лекции гегелианского Маркса или же марксистского Гегеля, вместо крестин – звезды устраивать, где навешивали детям имена не просто Клара и Роза, а, скажем, ВИЛЕН, ГОЭЛРО, НИНЕЛЬ²¹ и так далее. Но

---

²¹ Артефакты истинные, потому как имя Нинель (Ленин наоборот) и Вилен (Владимир Ленин) до сих пор пользуется спросом в коммунистических сектах.

всё это тут же рухнуло, особенно в глубинке. Чужим пришлось подписываться под просьбами хлеборобов о реабилитации и возвращении в какое-нибудь село или деревню пусть не трезвенького, но попа. Но своего. Кстати, эврика! Как вы относитесь к личности Петра Первого? Оказывается, он недаром мне только что вспомнился. Ежели не слабо окажется, и возьмётесь за роман о нём, как о мощной исторической фигуре, то ваше счастье далеко не за горами, помяните моё слово. Император Петрушенька – это такая фигура! Мало не покажется. Тут есть возможность историю переписать со своей точки зрения, о есть с точки зрения руководящих государством, а это дорогого стоит!

– Знаете, Щёголев, вы мне тоже иногда чужого напоминаете, – нахмурился Алексей Николаевич. – Причём, готового заплатить аванс звонкими шекелями, драхмами или же лептами. К чему мне выбирать, где лучше и где удобней? Ведь жизнь, как правило, не на этом строится. А писать про царя, ненавидевшего свою страну, это, воистину, напрасный труд.

– Так да не так, – возразил историк. – Тон вашему танцу, милостивый государь, будет задавать та же кухарка, ежели примется управлять государством. И ничего вы с ней не поделаете. Ну, как решит она же покопаться в вашем незавидном прошлом? Ведь в Советской России очень мало людишек признаётся, что, мол, дворянского роду-племени. Но вы-то вовсе не скрываете своего графского происхождения. Советский граф – звучит! Ничего не скажешь. Только не покажется ли вам это некоторым нонсенсом? Более того, такой нонсенс может привести вас к коротанию оставшейся жизни в Магадане. Так что лучше перепишите историю и покажите с какой любовью и трепетом царь Пётр относился к державе Государства Российского.

– Ну уж, вы хватили, милый друг! – махнул рукой Алексей Николаевич. – Кому нужно моё прошлое и нужно ли? Полагаю, если б кто зубы на меня точил, то давно с Лубянской стенкой познакомился бы.

– Зря вы так, я же историк, – покачал головой его приятель. – Я к вещам подхожу более реалистичней, чем вы. Человек в наше печальное время под давлением технократии утратил контроль над окружающим жизненным пространством. Нарушился сам масштаб личности и общества, особенно у нас в России: мегаполис вместо хутора, монополия вместо артели, толпа на Манеже вместо поля с ромашками.

Алексей Николаевич недобро посмотрел на приятеля, однако ничего возражать не стал.

– Послушайте! – Щёголева вдруг осенила необыкновенная мысль. – Послушайте! Вам на некоторое время надо бы уехать из Москвы, даже вообще из России попутешествовать. Находясь вдали от Родины, от оккупировавших её чужих, поймёте кто вам свой – кто чужой в действительности. Тем более, что причина к непременно выезду есть. Чичерину совсем недавно Николай Рерих привёз грамоту от индусских махатм с выражением благодарности за содеянную революцию. Я вам, любезнейший Алексей Николаевич, могу оригинал письма вручить лично, потому, как пригодится в Индии. Послужит пропуском в некоторые недоступные места. Дело в том, что где-то в Гималаях или на Тибете существует заброшенный монастырь. И, как оказалось, не совсем уж он заброшенный. А хранится там по сию пору древнейшая реликвия – церковная ритуальная маска, помогающая овладеть энергетикой нашего грешного мира. Кстати, маска давно получила довольно авантажное имя – Лик Архистратига. Это ли не возможность найти дверь в будущее? Каждый человек должен в жизни открыть хотя бы одну дверь. Вам решать, зачем же дело встало?

Вспомнив это приключение, Алексей Николаевич согласился, что предложение историка заслуживало и заслуживает особого внимания! Сколько индийских дорог пришлось истоптать, каким только богам не поклоняться в знак уважения, но результат всё-таки достигнут! Очень скоро, может быть, даже в этом дацане он увидит тот самый Лик Архистратига. Писатель подкинул хворосту в огонь и покосился на шерпа, тоже ещё не ложившегося и так же ведущего разговор с огнём.

Но что проводник может знать о других религиях, о других жизненных путях, когда он и на Тибете-то никуда дальше сенья не продвинулся, ученика то есть?

Свалится на него какое-либо искушение, так разве он устоит? Тем более, если искушение власть посулит. Продастся с потрохами. Конечно, продастся. Например, кто же откажется быть посланцем самого Далай-ламы? И не удивительно, если потом из этого путешествия родится захватывающий приключенческий тибетский роман. Только не будет в нём участвовать бывший посланец Далай-ламы, потому как уже отжил своё, отгулял. Собственно кто звал сюда посланца? Сидел бы в своей России, попивал водочку с загадочным Щёголевым. Нет, принесла нелёгкая на Тибет. Что делать – жизненный крест такой, записывать всё видимое и невидимое.

Алексей Николаевич ещё раз тяжело вздохнул, пытаясь отогнать свалившиеся ниоткуда тягучие мысли. Даже встряхнул головой для верности. Потом осторожно посмотрел на притихшего проводника.

Ранг-ду сидел, не шевелясь, но скосил всё же глаза в сторону европейца.

Неужели мысли читать научился? А, всё равно. Скоро с ним расстаться будет необходимо и никакое воспоминание о завалящем проводнике больше не потревожит грешную душу.

Потревожит другое: история с поисками покинутого дацана. Это не какое-нибудь «Хожение по мукам», это история любви к выполнению желаний, своего рода философский камень, захлестнувший и омрачивший сердце! А ведь люди по Завету Божьему, тем более, православные, не должны предаваться страстям, не должны поклоняться Мамоне и стремиться к трону властителей существующего мира!

– Господи, что это я, – буркнул Алексей Николаевич. – Истинный советский граф! Ведь и предки, и я в детстве христианами были, а тут искусительный писательский зуд... Искушение... Настоящее искушение...

Сразу же он взглянул на шерпа, поскольку произвольные словоизлияния, прозвучавшие в тихом ночном воздухе довольно громко, для ушей китайца совсем не предназначались. Не говоря больше ни слова, советский граф завалился на бок, продолжая наблюдать за пляской лилово-жёлтого пламени среди хвороста и белых хлопьев уже сгоревших деревяшек. Писательский зуд... это его сюда и забросило. Вспомнилось ещё одно приключение в православном храме. Придя как-то на исповедь, он сказал священнику, что нет на свете ни одной страсти, которой бы не подвергался, нет ни одного греха, который бы он не совершал, нет ни одного искушения, которому он бы не поддавался. Произнесена была эта исповедь с такой открытостью, откровенностью, честностью, что батюшка поначалу отшатнулся от него. Потом всё же решил выяснить, в чём грешен кающийся и насколько.

– Ну, как вы не поймёте, батюшка! – удивился Алексей Николаевич. – Ведь сам Христос сказал, что, посмотрев на женщину с вожделением, ты уже согрешил с ней в сердце своём. Ведь так?

Иерей неуверенно кивнул, но это не остановило кающегося, скорее всего наоборот раззадорило.

– Вот видите, святой отец, вы согласны с утверждением Сына Божьего. Но ведь я каждый день грешу, – Толстой сделал театральную цезуру. – И не только этим, потому что я писатель. Каждый мой герой совершает столько преступлений, что страшно становится. А все они вместе?!

– Кто вместе? – не понял священник.

– Мои любезные герои! Каждый совершает столько пакостей, злодеяний, подлостей, извращения и насилия, что на тысячу расстрелов потянет. Но ведь это же – я! Любой книжный убийца, какое бы оправдание для него не было, – я сам! Любой прохиндей, получивший от меня жизнь, – я! Любая блудница, переспавшая одновременно с батальоном солдат, – я! Поэтому нет такого греха, не совершённого мной. И это крест мой. Крест каждого писателя.

Батюшка, слушая странного исповедника, перекрестился и спросил только:

– Как имя твоё?

– Алексей.

– Алексей, – батюшка скорбно опустил голову. – Я буду молиться за тебя как смогу, только этим я могу помочь тебе, Алексей. Нельзя собирать все грехи людские и не стать преступником.

– Но ведь Господь наш, – возразил писатель. – Господь наш, Иисус Христос, принял на себя все грехи человечьи, поэтому и был распят!

– Ты не Бог, – покачал головой священник. – Ты можешь стать смутным зеркальным его отражением и то расплывчатым. А я, грешный, смогу только своей молитвой помочь тебе.

– Спасибо, отец, – наклонил голову Алексей Николаевич. – Всё же ответь мне, может ли человек жить без страстей и человек ли это?

Батюшка уже ничего не ответил, благословил только несказанного героя и ушёл в алтарь. Но проблема писательства так и осталась нерешённой на амвоне христианского храма. Быть может, здесь, в дацане, он сможет найти путь к решению проблем, к поискам истины? Ох уж, эти беспутные мысли. Ладно, утро вечера мудренее. Наверное, поэтому все мудрецы жаворонки.

Голос горного ручейка под утро стал громче и настойчиво будил своих гостей. Те не заставили себя долго упрашивать и, наскоро собравшись, с первыми лучами рассвета тронулись в путь. Солнце уже высоко поднялось над живописным горным массивом, высветивая грани снежных вершин, разгоняя по ущельям ленивые тени. Наши путешественники привычно измеряли шагами горный лэм, размышляя о предстоящем расставании.

Незадолго до полудня шерп, шедший впереди, остановился, поднёс руку козырьком к глазам. Алексей Николаевич подошёл к нему, встал рядом и также приставил ладонь козырьком ко лбу, однако ничего нигде не увидел. Китаец глянул на него. В раскосых глазах, украшенных многочисленными морщинами, проскочило ехидство.

– Дацан, – шерп указал против солнца, где громоздился обрывистый склон.

Алексей Николаевич снова приставил ладонь козырьком ко лбу, но опять ничего не увидел. Его в этот момент выручило крохотное облачко, закрывшее на несколько минут яркое светило.

Словно старинная крепость над кручей стала видна ламаистская обитель. Стена храма возвышалась над обрывом, будто его сплошное продолжение в небо. Но вдруг резко обрывалась и заканчивалась зубцами, совсем как какой-нибудь средневековый рыцарский замок. Впрочем, это только казалось. Откуда здесь, на Тибете, возникнуть рыцарскому замку?

Однако же, высоко в Пиренеях, на границе Испании с Францией, тоже был монастырь-замок альбигойцев Монсегюр, завоёванный потом рыцарями. Но там всё-таки дикая Европа, а не цивилизованный Тибет. Здесь свои законы, своя жизнь. Так что средневековой крепости взяться неоткуда. В облике дацана было действительно что-то величественное, необычное, мистическое. Или это только казалось?

– Завтра в час ю²² нужно уходить, – сказал шерп, не отводя глаз. – Не вернёшься – уйду один.

– Ты предлагаешь мне провести день и ночь мне в этом поганом логове? – усмехнулся Алексей Николаевич. – Думаю, этого не потребуется. Я и до вечера управлюсь.

Китаец снова ехидно кивнул головой, но произнёс совершенно спокойно, даже равнодушно:

– Помни, до часа ю злой дух нас не тронет. Калипе.²³

---

²² Час ю (кит.) – одиннадцать утра.

²³ Калипе (тибет.) – прощальное приветствие.

Он, не глядя больше на своего спутника, принялся рассёдлывать лошадей. Писатель закинул за спину довольно вместительный, но полупустой альпинистский рюкзак и, весело насвистывая, потопал вверх по тропинке, опираясь на корявую дорожную палку, вырезанную из крупного ствола тиса. Такой посох вполне мог бы смахнуть и за тисовую дубину, только не драться же белый отправился в дацан с ламой и оставшимися в живых монахами! Тем более путешественнику наверняка говорили, что лама мог любого человека в мгновение ока сделать либо могущественным и богатым, либо нищим и больным, поскольку владел силой, способной поставить на колени перед ним весь земной шар.

Почему же лама до сих пор этого не сделал? Наверно, просто не хотел. Да и зачем? Ведь в тёмном inferнальном мире совсем другие законы и тамошние жители, то есть насельники, не трогают живущих в этом мире лишь потому, что незачем, то есть нечего делить.

В свою очередь человек, скажем, всегда так же относился к муравьям. Ну, есть они, ну, ползают, ну, своё государство у них, ну, какой-то нечеловеческий разум есть у них. Что с того? Пусть живут себе, выстраивают муравейники, плодятся и завоёвывают мир, если сумеют. Но самое главное, пусть не стараются научить человека жить. Что же тогда там, в этом горном прибежище?

Глава 4

Утро как всегда в горах было глубоким и прозрачным, переливалось необъяснимой радостной лёгкостью и свежестью. Китаец, так и не ложившийся в эту ночь, неподвижно медитировал невдалеке от высокогорного лэма. Ещё вечером он прочитал ала-ль-мейит,²⁴ вокруг кистей рук, головы, груди покрутил горящую палочку и так с тех пор ни разу не пошевелился. Он совсем не жалел о минувшей ночи, не обращал внимания на наступивший такой же солнечный день, отличающийся от вчерашнего только временным колокольчиком, который должен прозвенеть в час ю.

Шерп знал, что оставаться в Гоингханге после заветного часа нельзя – злые духи отнимут душу, если посмел без спросу нарушить невидимую границу злобного царства. Но что в этом призрачном мире значит жизнь? След облаков на безоблачном небе? Тень ветерка на спокойной воде? Тёмные силы могут завладеть человеческой душой. Вот это было бы бедой не только для Ранг-ду, но и для всех его родственников. А чем они виноваты?

Глаза китайца были открыты, взгляд неподвижен, только чувствовалось, что ухо ловит любой лёгкий шорох юркнувшей в траве ящерицы, звончатые переливы горного воздуха, трепет крыльев парящего далеко над ущельем грифона. Со стороны могло бы показаться, что он прислушивается ко всему, что происходит там, далеко, в сердце мёртвого храма, но за всю ночь только один раз донёсся оттуда звук рога и то какой-то неумелый, нерешительный, будто маленький пастушок пытается обучиться трубить в рог тайком от родителей. Звук трубы прозвучал под утро. Значит, именно в этот момент в храме что-то произошло. Только утренние сумерки давно превратились в переливающийся солнечными лучами безоблачный купол. До означенного часа оставалось совсем немного.

Вдруг китаец моргнул, взгляд его стал осмысленным, живым. Он встал и лёгким невесомым шагом заскользил по травянистому лугу к пасущимся тут же неподалеку лошадям. Осёдлывая их, он не переставал прислушиваться к дыханию гор, но никаких ожидаемых посторонних звуков не наблюдалось.

Шерп последний раз взглянул на крутой склон, который был увенчан проклятым Богом дацаном, словно короной на голове монарха. Проводник замер, остановив мгновенье, уронив голову на грудь, раскаиваясь, что отдал на съедение демонам ещё одну человеческую душу, как вдруг со стороны храма донёсся какой-то щекоотливый посторонний звук. Ранг-ду вскинул голову, прищурил и без того неширокие глаза. Острый взгляд его высмотрел далеко на крутой тропинке человеческую фигурку.

Наверное, если бы сеньпай не хотел так стать похожим на своего неповторимого сеньсея, который порицал и ни в коей мере не допускал всякое внешнее проявление, каких бы то ни было чувств, то обе лошади обязательно услышали бы вздох облегчения, вылетевший из груди шерпа. Он действительно обрадовался, что всё получилось как нельзя лучше! Если белый возвращается и возвращается спокойно, значит, не зря он стремился в проклятый дацан. Может быть, он всё-таки недаром лин-пош – посланец Далай-ламы, иначе не вышагивал бы таким уверенным шагом.

Через четверть часа европеец уже подходил к ожидавшему его шерпу. Издали ещё, помавав рукой, он прибавил шаг и вскоре со счастливой улыбкой выполнившего свой долг человека уже снимал вещевой мешок, до отказа чем-то наполненный. Вероятно, в дацане монахи надавали ему монастырской рухляди на всю оставшуюся жизнь, и, может быть, из простого лин-поша белый дикарь скоро сам станет очередным Далай-ламой.

---

²⁴ Ала-ль-мейит (тибет.) – молитва. Употребляется как поминание умершего и как прошение о выздоровлении умирающего.

Китаец отмахнулся от скабрёзных размышлений, помог спутнику приладить к седлу выючной лошади принесённый из дацана не слишком тяжёлый, но объёмный мешок. Вот только едва рюкзак европейца коснулся лошадиного крупы, животное рванулось, чуть не сбив грудью людей. Потом пытались несколько раз встать на дыбы, подавая громкий протестующий голос. Лошадь явно не хотела тащить на себе принесённый из монастыря мешок с ламаистскими подарками.

Проводник повис на пятнистой шее монгольского мустанга и долго говорил лошади заветные слова, увещевая, успокаивая, упрасывая снова стать послушной. Наконец, ему всё же удалось договориться с лошастью, так как она утихомирилась, и беспокойно прядая ушами, роняя с губ клочья розовой нехорошей пены, переступая с ноги на ногу, разрешила перетянуть верёвками выючную поклажу на спине.

За всё время возвращения ни шерп, ни европеец не сказали ни слова, хотя поздоровались, как положено у пхотов – показав друг другу языки. Обратная дорога воспринималась обоими путешественниками с явным облегчением сознания. Китайца радовало, что не пожертвовал человеком во славу тёмных сил, а европеец беспрестанно улыбался посетившей его удаче, которую не всегда удаётся поймать за хвост. Раздираемый психическим комплексом нетерпения и желанием хоть перед кем-то непременно похвастаться, он, не удержался и открыл рот, чтобы сообщить свежую сплетню:

– Я там видел такое! Такое!.. что ни тебе, Ранг-ду, ни твоему сенсею никогда даже во сне не приснится!

– Я знаю, – кивнул шерп.

– Да что ты можешь знать, – распирало европейца чувство собственной значимости и превосходства. – В моём рюкзаке величайшее произведение рук человеческих!

– Человеческих? – китаец внимательно посмотрел на спутника, но тот не пожелал больше ничего объяснять, вовремя спохватившись и прикусивши свой болтливый язык.

Поэтому весь дальнейший путь они снова молчали, но каждый о своём.

Проводник всё с той же невозмутимостью и спокойствием думал о смысле жизни, а европеец иногда мечтательно и величественно улыбался, как монарх, разрешающий поклоняться только себе-любимому и всенепременнейше всему народу в державе. Перед ним как живые возникали кадры из только что минувшего прошлого до мельчайших деталей, видимо, это путешествие для Алексея Николаевича действительно выглядело как фатальное предписание судьбы. Перед ним снова возникла картина вчерашнего путешествия. Память всегда возвращала его в прошлое, чтобы суметь проанализировать совершённые поступки и взглянуть на вчерашний день под другим ракурсом...

Тропинка, по которой он шагал, была, в сущности, остатками когда-то наезженной дороги, поднимающейся к дацану. Европеец, ступив на подъём к храму, почувствовал себя почти сразу же неудобно, хоть всю кичился непомерным бесстрашием. Так, вероятно, чувствует себя раб в подножии трона великого фараона.

Высокогорный лэм в этом месте выглядел не только заброшенным пешеходами, но здесь нельзя было увидеть на камне ни одной греющейся под солнцем ящерицы, ни один суслик не приветствовал путника свистом издали, только разбросанные чахлые кустики рододендронов маскировались под клочки снега, чередовавшихся с клочками высохшей травы, что было воистину странным. Ведь всего на несколько десятков метров ниже тибетские горы радовали зрение путников и обоняние деревенских коз сочной пахучей травой. А этот подъем, казалось, оставила сама жизнь. Если это действительно так, то не является ли заброшенный монастырь настоящими воротами в Тёмное царство? Если так, то прямо за воротами должна протекать огненная река Смородина, или Стикс по-гречески. Но надо же чем-то расплатиться с перевозчиком?

Стена дацана приближалась, как скальный чешуйчатый монолит средневековой крепости с усечёнными пирамидами по верхнему краю. Может быть, эта обитель была ровесница Великой Китайской стене, кто знает, только ни один пришедший сюда не мог остаться равнодушным к отвесным стенам и висячему мосту через узкую бездонную трещину в скале. Мост сейчас был опущен, будто европейца уже поджидали.

Или в пустом дацане вообще ждать паломников было некому? Но всё же кое-где на заброшенной горной дороге можно было различить отпечатки человеческих башмаков, не успевших исчезнуть от ветров, дождей и лучей солнца. Иногда пропитанный сезонными дождями суглинок исполняет роль настоящего гипса и довольно надолго. Значит, кого-то из живых в обители найти всё-таки можно.

Может быть, монахи выходили куда-то по своим нуждам, а, скорее всего, люди приходили к ним в дацан. Ведь кто-то должен снабжать монахов, какой ни на есть пищей, если они ещё живые? Бог, он, конечно, царствует в царствии своём, только на пустое брюхо не хватит духа ни на какую молитву.

Вдруг наполненный звенящей тишиной горный воздух пронзил крик вещего ворона! Звук в беззвучных горных районах бывает предостаточно: или лемминг где-нибудь свиснет, или лиса подаст противный голос, но чтобы ворон – этого просто не может быть, потому что вороны в горах никогда не живут! Алексей Николаевич невольно оглянулся. Высоко в поднебесье, прямо над дорогой парил стервятник – тоже удивительный жилец для этих мест, но он не мог закричать вороном! Верно, показалось.

Толстые кедровые доски узкого крепостного моста разносили гул шагов по глубокому ущелью, словно барабанная кожа, откликающаяся на дробь палочек или удары ладоней играющего на бубне шамана. Монастырские двери, тоже сколоченные из толстого кедрача, инкрустированные тайными ламаистскими знаками были закрыты, и никто не откликался на стук кулака.

К счастью, европеец рядом с дверной петлёй заметил просмоленную чёрную верёвку, ныряющую за ворота. Подёргав этот своеобразный дверной звонок, Алексей Николаевич действительно услышал в глубине храма тройной гул медного гонга. Эхо уже давно смолкло, триста тридцать три раза откликнувшись в разных горных закоулках, но в глубине обители на звонок долго ещё никто не отзывался, будто там действительно никого не было. Может быть, эхо было звуком нездешнего мира, а отзывалось из того же Зазеркалья?

Лишь протянув руку опять к шнурку, писатель услышал вдруг старческое шорканье шагов, опять же странным эхом расплывшееся по всему ущелью. Снова в человеческое сознание поступил какой-то очередной сигнал, как недавний крик несуществующего ворона. Ведь ничего же не бывает просто так!

Уж не является ли он сам в этих местах чужим незванным неожиданным?! Вероятнее всего – так и есть. Монахи никогда и никого ждать не будут, ибо не собираются расставаться с тем, что охраняют. Но не отступать же от задуманного из-за монашеского тугодумья?! Столько времени потрачено, столько сил угроблено, столько надежд рождено и всё даром? Ну, уж нет! Пока Толстой не обшарит весь этот тюремный острог, ни за что не уйдёт!

Как Алексей Николаевич приведёт задуманное к исполнению и вообще получится ли – это уже другой вопрос. Ведь во время российской смуты сам патриарх Никон возглашал: «... аще кто не послушает нас, хотя в едином чесом и мы таковым приложим телесныя озлобления».²⁵ Известно, что «телесные озлобления» патриарх направил на всю страну, дескать, что ему в голову взбрело – то и есть истина. Разве получилось бы хоть что-то у него, не будь цели, а цель достигнутая оправдывает средства. Правда, перебил полстраны, прикрываясь крестом, но лес рубят – щепки летят. Где они теперь, старообрядцы? Нет, не было и скоро все забудут, что

²⁵ Заимствовано из тронной проповеди патриарха Никона, призывавшего к Гражданской войне против старообрядцев.

таковые людишки когда-то на Руси жили. А дело патриархом сделано! Вся страна крестится «щепотью» по заповедям Никона и даже Псалтырь пророка Даниила переделали под никонианский глас.

Правда, самому пророку Даниилу вряд ли понравилось бы, когда записанные им псалмы, продиктованные Богом, чужой нехристь искажает по своему усмотрению. Но целая страна уже не ропщет и принимает религию такой, как есть. Значит, пора пример у предприимчивого патриарха перенимать и искажать историю под выгодным для себя углом!

Маленькое окошечко на двери скрипнуло, и глаза европейца встретились с пронзительным взглядом монаха, лысая голова которого показалась в окошке. Он несколько минут пристально всматривался в пришедшего, потом, не говоря ни слова, открыл тяжёлую створку ворот и впустил новоприбывшего паломника. Тот глянул на монаха, открывшего дверь, и удивился: как тому при маленьком росте, тщедушной фигурке с худосочными ручонками удалось открыть монолитную увесистую дверную створку?

Управившись с дверьми, монах ещё раз взглянул на прибывшего и протянул худенькую руку ладонью вверх в сторону центрального входа в святилище, опоясанного с обеих сторон удивительными резными колоннами. Такие можно увидеть разве что в шумерских храмах, построенных за пять тысяч лет до Рождества Христова. А над дверной перекладиной прямо в скале была вырублена ритуальная маска, какие надевали жрецы во время таинственных мистических церемоний с той лишь разницей, что из-за маски во все стороны выглядывали каменные змеи.

– Кипо ре,²⁶ – указал европейец на маску тибетской Горгоны, желая блеснуть знанием языка.

Монах, однако, ничего не сказал, лишь ждал, когда пришедший осмелится вступить в храм. Они вошли внутрь, старичок незаметно исчез, будто растворился в воздухе, оставив пришельца знакомиться с обителью и немного освоиться. Алексей Николаевич поначалу даже не обратил внимания, что старичок куда-то исчез, но что с того?

Дацан был вырублен прямо в скале. Стены подпирали несколько витых колонн, таких же, как и окружающие вход. Меж внутренними колоннами тоже виднелись какие-то проёмы, ведущие во внутренние пещерные гrotы. Над каждым дверным проёмом в стену была вделана бронзовая чаша с горящим в ней маслом. Судя по тому, что чаши горели все, дацан по сю пору не бедствовал, или же чаши с воловьим жиром зажигались монахами на праздник. А какой нынче праздник?

Но самое важное положение в храме занимала статуя Бодхисатвы, расположенная прямо напротив входа в храм, на возвышенности амвона. Пред статуей в центре храма тоже пылала бронзовая чаша, овеявая чёрную статую чёрным дымом. В это время из-за статуи inferнального бога появился старичок-монах, только что встретивший европейца у тяжёлых ворот.

Это был тот же монашек. И в то же время – тот да не тот. Старичок, закутанный в точно такую же бордово-оранжевую мантию, лишь на первый взгляд выглядел очень похожим на привратника. Но лицо у этого, такое же маленькое и высохшее под горными ветрами, выглядело надменнее, даже щёки были какие-то надутые, что для худых священнослужителей было довольно необычно. На груди у этого старичка болталось ожерелье из черепов, как у Бодхисатвы. А по общему виду монах ничем не отличался от только что исчезнувшего в глубине храма привратника.

Собственно, черепное ожерелье надеть недолго, тем более что монах появился из-за статуи, это, надо думать, часть местного обряда. И всё-таки какой-то старичок был не такой именно по выражению на иссохшем лице, по блеску глаз, даже вышагивал он совсем по-дру-

²⁶ Кипо ре (тибет.) – красиво.

гому. Но поразмышлять над этим можно было чуть позже, поэтому европеец смиренно поклонился вышедшему монаху, сложив руки на груди:

– Хим-кин-дэ Бодхисатва.²⁷

Маленький старичок тоже поклонился гостю и ответил на чистом русском, даже без какого-либо акцента:

– Мир тебе, ищущий. Готов ли ты принять то, за чем явился?

От удивления челюсть у Алексея Николаевича отвисла и неизвестно, сколько времени потребовалось бы ему оклематься, если безгубый рот старичка не озарила широкая плоская улыбка, тонкой чертой пробегающая по нижней части человеческого черепа и расширяющая две отвислые, но исхудавшие щеки. Худоба когда-то действительно жирных щёк, соединяемая кривой чертой улыбки, были явно несовместимы с общим видом монаха, только смеяться над священником любой конфессии нехорошо, поэтому европеец помог своему рту захлопнуться и постарался выговорить что-то членораздельное. Но поскольку, ни тибетским, ни индийским, ни китайским наречиями не владел, то выдал винегрет на всех языках сразу, что вызвало ещё одну улыбку безгубого старичка.

– Я знаю, зачем ты пришёл. Сила, которую ты ищешь, находится здесь, – старый монах, не оглядываясь, показал рукой на чёрную статую Бодхисатвы. – Бог сам выбирает, кому прийти, когда прийти. Ты готов взять силу, а нужна ли она тебе? Сможешь ли управлять ею? Сумеешь ли ты служить ей?

– Владеть силой и служить ей? – растерялся писатель.

Поскольку старичок ничего не ответил, Алексей Николаевич попытался взять себя в руки. Ведь любое слово, любое непреднамеренное движение могут сыграть плохую роль и разбудить отрицательное отношение хранителя силы, хотя он и так не слишком-то доверчиво поглядывал на европейца.

– Сила даётся только избранным, но не тем, кто ещё не обрёл себя или уже потерял, – уверенно произнёс гость. – Если Бодхисатва даёт мне силу, то жизнь стоит того, чтобы её прожить. Если я – избранный, то тем более стоит. И не только прожить, а сделать то, что не успел ты.

– Падающего – толкни, – опять улыбнулся монах, только в этот раз его улыбка была слишком уж ехидной, если в данном случае можно обвинить в ехидной мимике искривлённые ротовым отверстием скулы человеческого черепа, обтянутые множеством складок коричневой морщинистой кожи.

Старый монах отступил в сторону, протянул правую руку ладонью вверх к статуе и, отвесив поклон ищущему, застыл на месте. Алексей Николаевич обратил внимание, что на центральном лице Бодхисатвы красуется ритуальная деревянная маска, окружённая клубками змей, выползающими из-под лица. Собственно, этот лик был такой же, как над входом, только не из камня.

И тут гостя поразил ещё один артефакт, на который, не присмотревшись, обратить внимание было невозможно. Всё дело в том, что уродливое лицо маски, выточенное из какого-то чёрного дерева, очень смахивало на похудевшее личико настоятеля храма. Будто какой-то здешний художник использовал монаха, как подвернувшегося по случаю натурщика. А, может, деревянные черты маски наследственным путём передались хранителю?

– Настоящий Лик Архистратига, – растерянно пробормотал писатель. Старичок неподвижно стоял, опустил в поклоне голову. Неужели у них всё так просто: пришёл – бери! Ни тебе испытаний, ни препятствий. Даже расписки не берут. Странно как-то. Просто не может такого быть. А с другой стороны ведь говорит же старик, что божество само выбирает достой-

---

²⁷ Хим-кин-дэ Бодхисатва (тибет.) – да продлится жизнь жемчужины Бодхисатвы.

ного среди достойных. Как знать, может быть, это именно та подачка судьбы, от которой ни в коем случае нельзя отказываться. Откажешься один раз – повтора не будет никогда!

Писатель сделал шаг, другой навстречу статуе. Ничего не произошло. И всё же чувство самосохранения или же обыкновенной человеческой интуиции в мгновение ока остановило его.

– Нет, я должен подумать, – обернулся европеец к застывшему в поклоне монаху. – У меня есть время?

– Воля ищущего – для меня закон, – отозвался тот. – Ты будешь здесь, пока не решишь, зачем пришёл.

Слова старого монаха ещё висели в неярком пещерном монастырском воздухе, а сам он уже ускользнул в ту же щель позади статуи, откуда пришёл. Писатель постоял ещё некоторое время напротив нерусского идола, явно не решаясь подойти к божеству прямоком, снять с него ритуальную маску и на радость монастырской братии объявить себя преемником. Видимо православный Бог его умишком-то не обидел, поэтому европеец миллиметр за миллиметром осмотрел место, где стояла статуя, не приближаясь к ней больше ни на шаг. Сзади чёрного бога виднелись какие-то двери, за которыми скрылся хранитель, только с той стороны к маске подступиться было невозможно из-за огромного каменного контрфорса, подпирающего божество. Четыре пары рук статуи ограждали её с боков. Путь был только один – спереди.

Но если так легко монах уступил и показал дорогу к inferнальной силе, значит, либо маску давным-давно сняли бы уже со статуи, – ведь недаром существует байка о множестве воришек, пожертвовавших здесь жизнью, да так и не овладевших деревяшкой! – либо существовал какой-то подвох, попадаться на который не имело смысла – попытка может быть только одна.

Писатель присел на корточки перед тибетским божеством и пытался понять смысл и суть разрешения овладеть мистической силой. Вдруг сзади его подёрнули за рукав. Европеец резко оглянулся. Рядом стоял привратник, встретивший его у ворот дацана и жестом приглашал пойти куда-то вовнутрь, в нехоженое подземелье храма. Что ж, это уже становится интересным!

Немного поколебавшись, Алексей Николаевич послушался зова и ступил за старичком в узкий дверной проём, ведущий вглубь горного массива. Второй раз, столкнувшись с монахом, писатель уже не перепутал бы его с настоятелем. Даже у одинаковых старичков с одинаковыми лицами есть существенные различия. Тем более, на этом старичке отсутствовало черепное ожерелье и, вероятно, жирные складки щёк никогда не украшали его тщедушную физиономию.

Расселина в скалах была непроглядна, тёмна и, казалось, за пещерной темнотой прячется неведомое «ничто». Лишь монах сжимал в руках маленький, весело пылающий факел, который разгонял темноту, и потушить его было невозможно пещерному сквозняку, струящемуся по длинным подземным коридорам, будто невидимая река. Европейцу приходилось пошевеливаться и поспевать за старичком, несмотря на то, что несколько раз он уже ударился головой о низкий свод коридора.

Неожиданно впереди показался тугой солнечный свет, проникающий в пещеру через отверстие в потолке. Туда вела добротная деревянная лестница. Монашек уверенно полез вверх. Белому ничего не оставалось, как тоже вылезти на солнечный свет, заливающий каменную площадку, окружённую отвесными скальными стенами, лишь с восточной стороны открывалась живописная картина Тибетского нагорья.

Площадка явно походила на монастырский солярий, подаренный природой насельникам монастыря, потому как возле стены кучкой были сложены циновки, пляжные зонты и широкие кедровые доски, явно применяемые в образе лежанок под солнцем. Только неужели монахи загорают? Такого не было ещё ни в одном монастыре мира! Да и морские пляжи крайне редко видели какого-нибудь случайно забредшего монаха. Прижмуриваясь после пещерной темноты,

европеец принялся оглядываться повнимательней, но ничего примечательного на скальном пятачке, куда они вылезли, не было, кроме уже упомянутых пляжных инструментов. Лишь впереди у обрыва сидел спиной к пришедшим ещё какой-то маленький человек. Поскольку монах вёл гостя именно сюда, оставалось только ждать – что же дальше?

Сидящий у обрыва человек, вероятно, медитировал, поскольку старичок поднял руку и остановил идущего за ним европейца. Ждать пришлось недолго. Человек к этому времени уже получил энергетическую помощь от видимых с площадки, но далёких, накатывающих один на другой, горных массивов вплоть до самого горизонта, чем-то смахивающих на морской прибой. Вот только настоящий прибой никогда не бывает таким окаменелым.

Будто выплеснувшиеся из недр земли ступки пламенной лавы застыли вдруг по велению самого Рудры Чакрана, царя таинственной Шамбалы. Застывшие волны окаменевшего моря! Надо сказать, в этом что-то есть необычайное и пока ещё непонятное. Возле любого моря-окияна энергия морских волн чувствуется любым, даже самым толстокожим пляжником. Поэтому многие интуитивно стремятся к морю, желая коснуться хотя бы на мгновение живительного потока волн. Здесь же, в окаменевшем игривом шторме, чувствовалась мощная энергия самого Космоса, схлестнувшегося с пламенной волной планеты.

Медитация благополучно закончилась. Человек, сидящий на краю обрыва, встал и обернулся. Перед гостями, вылезшими из-под земли на скальный солярий, стояла девушка в голубом брючном костюмчике. Такие носят только китайки, особенно поклонницы сюань-нянь,²⁸ на одежде у которых обязательно есть изображение ласточки. Писатель мог допустить в таком непредсказуемом месте всё видимое и невидимое, но только не женщину! В самом деле, откуда женщина может возникнуть в мужском монастыре, тем более заброшенном? Поэтому европеец даже икнул нечаянно.

– Ты правильно поступил, лин-пош, – обратилась к нему девушка без лишних протокольных приветствий и поклонов. – К Бодхисатве не каждый может подойти.

– Но ведь мне было благословение от самого Далай-ламы! – попытался возразить европеец. – Меня в Лхасе уверяли, что никаких возражений не будет даже от настоятеля!

– Конечно, не будет, – кивнула девушка. – Важно только, чтобы настоятель победил сам себя и дал разрешение. Вот поэтому я и здесь, лин-пош, ты просто не сможешь обойтись без нашей помощи. Хранитель силы распоряжается с благословениями по-своему. На то он и хранитель.

Алексей Николаевич точно где-то видел уже эту любопытную голубую девицу, только вот где и когда? Уж не возникла ли она от падающей звезды в каком-нибудь сне, как её предок Лао-Цзы? Не могла же она раньше него в дацан добраться, если попадалась недавно на глаза где-нибудь в дзонге? Собственно, а почему не могла? В этих горах возможно многое, чего ещё не умеют делать в могучем цивилизованном мире. А ведь мир, откуда прибыл писатель, считается цивилизованным и могучим только потому, что так удобно тем, кто там живёт и эта принятая за истину догма никогда не была истиной.

– Ты – лин-пош, – поэтому заслужил помощь, – девушка ткнула пальцем в пуговицу на груди толстовки писателя. – Ты получишь силу, я помогу, но не делай ничего сам. Имей терпение и умей слушаться.

– Позволь, позволь! Откуда ты меня знаешь, красавица? – не утерпел Алексей Николаевич. – Мы раньше никогда случайно не встречались?

Видимо, всем писарчукам лестно, когда к ним обращаются девушки, да ещё и помощь обещают. А тут такая юная, миленькая, даже красивая! Самое время за ней поухаживать!

– Я дочь Ранг-ду, – просто ответила та.

²⁸ Сюань-нянь (кит.) – ласточка.

У писателя снова отпала челюсть. Вот это номер! Его проводник, считающий себя сен-паем, отец пигалицы, встретившей его в дацане! А ведь точно, девушка подходила к шерпу в дзонге. И не раз. Только тогда писатель не обратил на это внимания. Как же она оказалась здесь раньше? Да уж, оказалась...

– Тебе нужно сейчас очиститься, – девушка показала на лежащие в стороне сколоченные вместе толстые доски. – Ложись.

– Очиститься? А без этого нельзя? Я и так не грязный, – пытался скабрёзничать Толстой. – Мистерия очищения?

– Ложись! – в голосе девушки прозвучали стальные нетерпеливые нотки.

Вот те и пигалица! Да такая любого мужчину в дугу согнёт. Ну, что ж, чем чёрт не шутит, когда Бодхисатва почивает. Всё равно, похоже, без посторонней помощи в монастыре не обойтись. За годы жизни писателю не раз приходилось присутствовать в храмах, где совершались различные инициации и мистерии с посвящающими, посвящёнными и просто адептами. В каждой религии есть что-то своё, но такого ещё наблюдать не приходилось.

Старичок при помощи девушки уложил европейца на деревянный щит из пары досок, водрузил сверху такой же, и принялся обвязывать получившийся необычайный бутерброд тонкими, но довольно крепкими верёвками. В некоторых местах верёвки завязывались узлами и тогда девушка со своим помощником над каждым узлом долго бормотали священные мантры.

Когда наживка для неизвестного чудища была готова, оба молитвенника подняли приготовленную жертву и поднесли к краю пропасти. Подержав деревянный бутерброд ещё некоторое время на поднятых вверх руках, они бросили писателя в пропасть. Тот поначалу даже не успел сообразить: что же всё-таки произошло? Но, почувствовав свободное падение в раскинувшееся где-то внизу Тёмное царство, европейец безысходно и запоздало завизжал, как приведённый на бойню породистый хряк. Только кто ж его в безлюдных горах услышит, кроме отзвучивого и чуткого горного эха?

Несколько минут назад, лёжа в деревянных оковах, он пытался задавать связывающим его молитвенникам какие-то вопросы, даже попробовал один раз прикрикнуть на деятельную девушку. Но, видя, что те не обращают на него больше никакого внимания, замолчал, надеясь на лучшее, и завопил только тогда, когда почувствовал себя совершенно свободным, то есть, в свободном полёте над пропастью.

Но в следующее мгновение Алексей Николаевич поперхнулся криком, поскольку вдруг очутился в каком-то помещении, явно смахивающем на религиозный храм неизвестной религии, где в стенах виднелись мозаичные стрельчатые окна с выкованными вместо решётки Константиновыми крестами «Хи – Ро».

В центре зала стоял даже мраморный жертвенник для агнца, возле которого на каменном постаменте возлежал закованный в доски путешественник. Жертвенник для агнца?! Неужели ему, почти известному русскому писателю, предстоит стать обычной жертвой неизвестно какому азиатскому божку? Жертвенный европейец опять нерешительно пискнул, но в это время двустворчатые двери в одной из стен отворились, и к жертве вышел изящный человек в средневековом камзоле красного бархата, сжимая правой рукой резную трость из слоновой кости с золотым набалдашником. В левой руке у камзольного господина появился носовой платок из брабантских кружев, которым он вытер сухие тонкие губы.

– Освободите меня немедленно! – тут же завопил Алексей Николаевич.

– О боги! – скривил губы вошедший господин. – Снова приходится иметь дело с русским! Как же эта страна богата идиотами и гениями! Даже неизвестно, кого больше. Но вас, милейший, ожидают всего лишь два камня...

Он снова промокнул кружевным платком тонкие бледные губы и продолжил:

– Два камня преткновения, равно опасных, вечно будут представлять перед вами. Один пограл бы священные права каждого человека. Это – злоупотребление властью, возложенной на вас Богом; другой, обрёкший бы вас на погибель, – неблагоразумие...

Оба они рождены от одной матери, оба обязаны своим существованием гордыне. Человеческая слабость вскармливает их; они слепы, ведомые своей матерью. С её помощью два этих монстра заражают зловонным дыханием даже сердца Божьих Избранных. Горе тому, кто злоупотребляет дарами небес в угоду мелким страстям. Рука Всемогущая, подчинившая ему стихии, надломит его, словно тростинку. Вечность мучений едва ли искупит его злодеяние. И адские духи будут насмехаться над слезами того, чей грозный глас столь часто приводил их в трепет в лоне огненных глубин.²⁹

– Меня ожидает геенна огненная? – нерешительно спросил Алексей Николаевич. – Настоящая?

– У нас ничего нереального, а тем более, ненастоящего, не бывает, – уверил его камзольный господин. – Людям нравится выглядеть много лучше, чем они есть на самом деле. А вы, друг мой, не составляете особой тайны. Вспомните, по утрам вас обычно посещало бездонное ощущение пустоты, вины перед всем миром неизвестно за что. Человек зачастую кажется самому себе тлеющим огарком не потухшей ещё свечи в непроглядной и неразрушимой ночи. Мне помнится один из близких вам, мой друг, философов когда-то сказал: «...Или я погасну, как свеча, которую задувает ветер, но которая сама устаёт от себя и пресыщается собою, – выгоревшая свеча? Или, наконец: задую ли я сам себя, чтобы не выгореть?»³⁰

– Да, – робко признался русский. – Иногда по утрам меня посещали такие мысли, но откуда вам?... хотя, что я говорю!

– Вы, насколько я помню, – нахмурил брови камзольный господин. – Вы даже дворянского роду-племени и стать советским графом у вас пока что никак не получается.

– Большевикам не нужна литература, тем более, русская, – упаднически заключил Алексей Николаевич. – Да и Россию они ненавидят ещё сильнее, чем царь Пётр в своё время.

– Царь Пётр?! – живо спросил камзольный, и ехидная улыбка облагородила его тонкие губы. – Знаете, милейший, это мысль! Именно поклоняясь Петру, так ненавидящему своё царство, вы получите то, что ищете.

– О чём вы? – не понял Алексей Николаевич. – И, может быть, всё-таки представитесь? Хоть буду знать, от чьей руки приму смерть.

– Ах, да! – воскликнул камзольный собеседник. – Совсем забыл отрекомендоваться: граф Сен-Жермен к вашим услугам.

– Сен-Жермен? – удивлённо воскликнул русский писатель. – Насколько я помню, наша страна должна благодарить вас за излом истории?! Ведь именно вы являетесь духовным учителем и наставником Екатерины Великой!

– Да ну вас, – отмахнулся граф. – Я приезжал в Россию только для того, чтобы помочь своей давней знакомой принцессе Фике влезть на российский трон. Знаете, дамам такие дела иногда бывают не под силу. Это совсем не то, как, скажем, заманить в постель братьев Орловых.

– Уж не пришлось ли вам, граф, держать свечку у постели и попутно давать ценные указания? – хмыкнул Алексей Николаевич.

– А вот это вас совсем не касается, – парировал Сен-Жермен. – Лучше о своей драгоценной шкуре позаботьтесь.

– Зачем? – удивился писатель. – Чему быть, того не миновать!

²⁹ St. Germain, La Tres Sainte Trinosophie. Единственная копия уничтоженного оригинала рукописи Сен-Жермена. Хранится в архиве Центральной Библиотеки Труда в Париже.

³⁰ Ф. Ницше

– Поэтому вы и беседовали по ночам с Господом чуть ли не на равных? – усмехнулся Сен-Жермен. – Дескать, Ты, Создатель, подарил мне жизнь, хотя я ничуть не просил. Что ж, чему быть, того не миновать! Однако я имею право лично отказаться от Твоего подарка и не ждать, пока озверелые большевики потащат на Лубянку! Ведь так?

В обвинительных речах неизвестно откуда появившегося графа было столько правды и невысказанных вслух мыслей, что Алексей Николаевич даже ужаснулся, хотя напрочь забыл, что такое – правда? Во всяком случае, на лице и теле все его чувства проявились покраснением, потом мертвенной бледностью. Сен-Жермен бросил мимолётный взгляд на лицо писателя и удовлетворённо улыбнулся. Ему удалось выбить готового к жертвоприношению агнца из состояния фатального исхода и вернуть хоть какую-то жажду жизни. Русский снова зашевелился, стянутый сверху и снизу прочными досками, но освободиться от пут никак не получалось.

– А теперь пришла пора, – Сен-Жермен сделал театральную паузу. – Теперь пришла пора познакомиться с пламенем онгона. Тот, с кем ты спорил по ночам, просил передать тебе: «Я есмь огонь внутри себя, огонь служит мне пищей, и в нём моя жизнь». Поэтому, самое время испытать, действительно ли ты Сын Божий, каким себя представлял с детства? Истины никогда не найдёшь, не окунувшись в поток Вселенской энергии.

С этими словами кто-то приподнял Алексея Николаевича с мраморного пола, и писатель почувствовал, как деревянный бутерброд кладут на жертвенник. Две волны над головой писателя, две разноцветные полосы потолка схлестнулись в борьбе за место под солнцем. Одна голубая, успокаивающая, всеохватная, несла в себе отрицательную энергию: «Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них – о тех, кому лучше умереть, ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их благодетельствует кто-то другой».³¹

С другой стороны набегала зелёная тугая струя противоположных мыслей, стремлений и чувств: «Известно ли вам, что вечная слава ожидает тех, кто, получив от Бога в долг свою жизнь, отдал её обратно в соответствии с законами природы и тем самым сделал Богу приятное? Душам же тех, чьи руки безумно учинили над собой насилие, уготованы самые тёмные закоулки Аида».³²

– Но я не согласен приносить себя в жертву! – завопил, что было силы писатель. – Я столько ещё должен сделать в этом мире! У меня ещё столько задумок! Я не дописал своего самого важного романа! Я не хочу уходить!

Он усиленно пытался барахтаться в деревянном бутерброде, но пока ничего не получалось. Тем временем голубая и зелёная волна, схлестнувшиеся над жертвенником, превратились в чёрно-фиолетовый клубок тумана, приближающийся к алтарю, на котором лежала жертва. Фиолетовый клубок время от времени высверкивал жёлто-оранжевым сгустком, похожим на змеиный язык, вырывающийся из пасти хищника в предвкушении отведать вкус крови и запах мяса лежащей на алтаре жертвы.

– Не-ет! – захрипел писатель. – Не хочу-у-у-у...

Чем кончилось всё дело, Алексей Николаевич так и не узнал, поскольку в свободном падении, оказавшись в то же время в каких-то средневековых Дельфах перед тамошним Оракулом, попросту потерял сознание – видимо, нервы у белых не приучены к таким китайским испытаниям. Очнувшись, писатель осознал, что лежит на тех же сколоченных вместе досках на той же площадке и даже под раскрытым над ним пляжным зонтиком. Только вот прикрывавший его чуть раньше деревянный щит находится рядом, на каменной площадке и движениям ни рук, ни ног не мешают никакие верёвки.

---

³¹ Сократ. Последнее слово философа.

³² Иосиф Флавий.

Глава 5

Ещё не веря своим глазам, что жив, что ничего не случилось, писатель вскочил на ноги, но не удержался, рухнул на колени и совсем по-детски заплакал. Девушка и монах, сидящие у края пропасти и опять читающие свои тантрические молитвы, оглянулись, только ничего не сказали. День уже близился к вечеру и белому тоже на ночь надо прочесть молитвенное даосистское правило. Прочитал ли он его или обошёлся радостью возвращения в грешный мир живым и невредимым, про то история умалчивает. Но в середине ночи его покровители одновременно поднялись, подошли к европейцу и подняли на ноги очищенного. Руки у обоих оказались довольно крепкими.

– Лин-пош, – заглянула ему в глаза девушка, – ты готов?

– А больше ничего..., – Алексей Николаевич со страхом посмотрел на край чернеющей в темноте пропасти.

– Ничего. Ты очистился, – спокойно произнесла китайка. – И силу вынести отсюда сможешь только ты, ведь ты – избранный, а каждый должен нести и выносить только свою ношу. Так было, так будет. Такова воля богов. Ты готов?

Писатель вытянул перед собой правую руку ладонью вниз. Пальцы, да и вся ладонь до сих пор заметно дрожала. Девушка усмехнулась, встала на цыпочки, дотянулась ладошками до висков европейца. Потом, подержав какое-то время, вдруг резко отдернула руки и встряхнула, будто освобождаясь от чего-то прилипшего к ладоням. Мужчина же облегчённо вздохнул, ему явно стало легче.

– Люди говорят, что время течёт, а время говорит, что люди проходят, запомни это, – она посмотрела прямо в глаза Алексею Николаевичу, но больше ничего не сказала.

А тому нечего было возразить вообще, тем более, что он только, только начал приходить в нормальное состояние. Это отметил сам писатель, потому как глаза китайки, оказавшиеся так близко, и отливающие в темноте какими-то волшебными искорками, показались европейцу до того лакомыми и соблазнительными, что он всенепременнейше поцеловал бы девушку, не будь рядом молчаливо стоящего старичка. Именно он вострепнулся, ловко и почти неприметно юркнул в подземелье и вскорости поднялся из пещерного коридора с двумя горящими факелами. Он вылез, подождал, пока его заметят и подойдут, отдал один факел девушке и юркнул обратно в пещерное подземелье.

Европейцу ничего не оставалось делать как последовать за ним. Оставшаяся на площадке попечительница легонько подтолкнула избранного в спину, ясно давая понять, что в солирии больше делать нечего, тем более, ночью. Вполне возможно, что она ещё раз подарит когда-нибудь загоревшемуся европейцу свой волшебный взгляд, но это будет потом, если только будет. А сейчас... сейчас неопиту предстояла очередная инициация на положенной в этих местах мистерии овладения тайной силой.

Идя по коридору меж двумя огнями писатель уже не чувствовал себя так неудобно. К тому же, неоднократное обещание помощи и божественное разрешение на вынесение силы из храма только ему одному, придавало уверенности. Как там, в небесных империях делается выбор и на кого выпадает жребий – живым насельникам этой планеты пока неизвестно. Да и надо ли? Тем не менее, поднебесный вердикт вынесен, оглашён и направлен вниз для выполнения.

Храм встретил троицу гнетущей пустотой, неприметной в узком коридоре, густыми пещерными тенями, прятавшимися, где только возможно и сочными, но тяжёлыми запахами сгоревшего жира, которых по вчерашнем прибытии в храм европеец почти не учуял.

Чаши с воловьим жиром по углам и за спиной Бодхисатвы дарили пространству безразлично пылающее пламя. Видимо они горели непрестанно и неугасимо. Алексей Николаевич посмотрел вверх, пытаясь разглядеть храмовый потолок. Свод, если он был, терялся где-то

далеко в высоте, а огонь чаш не мог разогнать весь пещерный мрак, хотя светильники по стенам выглядели довольно большими. Такой же была центральная чаша, выполненная в виде поставца на закрученной в косичку толстой металлической ножке. Именно возле неё и поставили европейца, но так, чтобы чаша обязательно оказалась меж ним и тибетским идолом.

– Ом-мани-пудмэ-хум, – начал старец-монах с наиглавнейшего заклинания Бодхисатве. Видимо, на Тибете все молитвенные литургии начинались именно с этой мантры. И всё же старец встал в необычную для ламаистского монастыря и даже для даосизма молитвенную позу Оранты.³³ Он стоял как раз посредине между европейцем и статуей, не уставая повторять заветное заклинание, то есть оградительную молитву.

– Ом-мани-пудмэ-хум, – уносилось под теряющиеся в пещерной темноте своды в тридцать третий или же триста тридцать третий раз.

Европеец очень скоро перестал считать заклинания, потому что не обнаружил ни рядом, ни впереди дочери Ранг-ду. Непроизвольно он хотел обернуться, но тут же получил тычок ниже пояса в самый кончик позвоночника. А в этом месте – европеец знал – у человека довольно неприятный нервный узел со свёрнутой в сонный клубок змеей Кундалини. Тут же по телу прокатилась волна боли, хотя удар был вовсе не сильным. Девушка стояла где-то сзади и могла шпынять белого дикаря точечными ударами, чтоб не вертелся в храме да ещё при чтении бодхисатовских мантр.

Монах к тому времени уже закончил чтение заклинаний, во всяком случае, замолчал. Потом сделал шаг в сторону статуи, другой. Ничего не происходило. Идол не гневался, молнии не обрушивались, всё было тихо, как всегда. Вдруг тишину нарушило короткое уханье и стук, будто по воздуху в каком-нибудь ущелье пронёсся огромный камень, и вибрация воздуха послушно откликалась на полёт.

Но что это? Монах, мерно шагавший к статуе, неожиданно исчез. Пропал, будто его и не было! Алексей Николаевич боялся поверить своим глазам. Он вдруг обнаружил, что почти весь пол между идолом и центральным светильником исчез вместе с только что шагавшим к статуе старцем. На этом месте теперь красовалась огромная пропасть. Скоро откуда-то снизу донёсся слабый отголосок, похожий на звук камешка, брошенного в бездонный колодец. Верно, монах только что расстался с жизнью.

Толстой стоял, в который раз безвольно открыв рот, и не знал, что же всё-таки делать? Из-за спины писателя вынырнула куда-то исчезнувшая девушка и подбежала к самому краю открывшейся пропасти. Всего-то около пяти метров отделяло её от статуи, но через пропасть просто так не перепрыгнешь.

Оказывается, вовсе недаром хранитель уступал дорогу ищущему, а тот совсем не зря прислушался к голосу человеческой интуиции. Единственное, вселяющее мизерную надежду осталось только то, что исчезнувший пол из крупных тесаных плит обнажил две дорожки, два кедровых тёсаных бревна, по которым спокойно можно пройти к статуе. Возможно, в этом тоже пряталась какая-то закавыка. Только не отступать же на полпути. Писатель с детских лет привык придерживаться принципа: если что-либо начал – заканчивай. А не можешь – не берись.

Два бревна. Но по которому из них идти? Вероятно, одно выдержит, а другое тоже может исчезнуть из-под ног, и глубокая пропасть скоро вернёт глухой звук шмякнувшегося тела. Пока европеец застыл в позе роденовского мыслителя, юная Китайка выскользнула из-за спины Алексея Николаевича и порхнула к бревну, тот даже не успел ничего сообразить.

И только через минуту понял: либо девушку мужские логические размышления вовсе не посещали, либо она точно знала, как можно подойти к идолу. Лёгкой танцующей походкой она за миг преодолела расстояние, взобралась на подножие пьедестала, чуть подпрыгнула и

³³ Оранта – древний молитвенный жест: стояние перед Богом с поднятыми вверх руками, ладонями к Богу.

заветная ритуальная маска оказалась у неё в руках. Снова прыгнув на край пропасти, она на долю секунды задержалась, видимо, захлестнуло жгучее желание пройти по тому же бревну. Но, подавив самовольство, девушка пробежала всё же по второму бревну и правильно сделала. Только успела она ступить на эту сторону, как оба кедровых бревна рухнули в чёрную пасть ненасытной пропасти. Здесь уловки были на каждом шагу, но вроде бы красавице китаянке удалось выполнить всё без видимых усилий.

Алексей Николаевич не выдержал и сделал несколько шагов навстречу девушке. Та предупредительно вскинула руку, но сказать ничего не успела. Из-под пола выскочило несколько рядов заострённого бамбука. Девушка, подброшенная вверх какой-то демонической силой, перекувырнулась и рухнула на возникший ниоткуда подпольный часток. Несколько бамбуковых стержней легко пронзили её тело, рука, держащая маску, разжалась. Лик Архистратига упал с глухим деревянным стуком прямо под ноги европейцу. Тело отважной девушки ещё дёрнулось несколько раз в предсмертных конвульсиях на бамбуковых копьях и затихло.

Европеец постоял несколько минут ошарашенный. Китаянка, пронзённая бамбуковыми пиками, уже не дёргалась, значит, снимать её бесполезно да и монахи не ровен час могут бежаться на шум прямо сюда, в центральный храм. Мужчина опустился на одно колено, подобрал маску и принялся заталкивать подарок inferнальной силы в рюкзак. Поскольку ритуальный предмет был довольно большим, то не очень-то хотел попадать в тесный брезентовый мешок.

Всё же искателю приключений удалось втиснуть маску в рюкзак. Алексей Николаевич поднялся с колен, ещё раз взглянул на ограбленного архистратига, невозмутимо взирающего со своего пьедестала, кивнул ему на прощанье и направился к выходу.

Но европеец рано радовался успешному завершению мистического происшествия. На высоком крыльце перед входом его ожидал старичок, хранитель силы, намеревшийся выйти к нему из-за статуи Бодхисатвы. В руках у монаха была длинная бамбуковая палка. Он опирался на неё, как на посох, не говоря ни слова и отнюдь не собираясь уступать дорогу незваному гостю.

– Оставь мешок, – наконец чуть слышно просипел он.

– Я взял только то, за чем явился, – насупился европеец и пожалел, что подевал куда-то свой увесистый тисовый посох, с которым явился в храм. – Ты мне кланялся, уступая дорогу. Сам Далай-лама прислал меня и кому как не тебе давно известно, что я – избранный. Я – тот, кого не удержать угрозами. Умей уступать, умей проигрывать и останешься жить. Жадность погубит тебя. – Ты не готов к силе и не сумеешь владеть ею, – членораздельно произнёс хранитель. – Большая сила приносит большую ответственность. Она дала мне власть, но с меня и спросят много. Отдай маску и проваливай в свою Европу. Никто ещё не уходил отсюда живым. А я тебя так отпускаю.

– Уйди с дороги, старик! – взревел Толстой. – Не заставляй меня обижать слабых. Я русич и тебе поганому не сломать Рассеюшку!

Мужчина широким шагом двинулся на монаха, хотел оттолкнуть его с дороги, но рука схватила воздух, и тут же последовал удар бамбуковой палкой. Европеец взвыл, мешок свалился с его плеча. Гость, мечтавший проучить осатаневшего настоятеля, двинулся на него, засучив рукава толстовки.

Старик ещё раз ловко отпрыгнул в сторону, взмахнул над головой бамбуковой тростью, со свистом рассёкшей воздух у самого носа писателя. Тот непроизвольно отпрянул, но стал в привычную стойку кулачного боя.

– Я не хочу убивать тебя, потому что ты лин-пош, посланец Далай-ламы, – произнёс настоятель бесцветным голосом. – Но я хранитель силы Бодхисатвы! Отдай мешок...

Монах, может быть, ещё хотел что-то сказать, только его противник решил перейти в многообещающую атаку. Видимо, удар по руке был не очень-то сильным, поскольку европеец сделал великолепный боксёрский выпад, но кулак опять достал только пустоту. Старичок про-

сто вовремя присел и тут же ударил противника по ногам. Бамбуковая палка хоть по виду совсем хилая, доставила европейцу немало хлопот. Яловая кожа на голенищах сапог от удара не лопнула, но мужчина снова заорал благим матом и рухнул на крыльцо. По безгубому рту старичка пробежала тень усмешки, и он сделал шаг по направлению к валявшемуся в стороне рюкзак.

– Ах ты, узкоглазая тварь! – вне себя от злобы завопил европейец.

Он засунул руку под подол толстовки и выхватил припрятанный там шестизарядный револьвер. Выстрелы, производимые в упор, все попали в цель, но старичок развернулся к убийце и метнул в него свою бамбуковую палку.

Видимо шесть пуль отняли у монаха часть сил, потому что палка просвистела прямо над ухом писателя, но не задела.

Хранитель силы рухнул на пол, придавив собой брезентовый мешок писателя и судорожно обхватив его руками. Видимо, даже уходя в мир иной, старичок не мог расстаться со своим идолом. Недаром ведь говорят, что ежели проданся демону, то и в потустороннем мире будешь служить ему безропотно. Человек на этом свете сам выбирает свою дорогу.

Победитель поднялся на ноги не сразу. Битва со старичком совершенно случайно закончилась в пользу европейца. То ли такова воля богов, то ли просто повезло, кто его знает. А, может быть, он действительно был избранным? В чём состоит его избрание, Алексей Николаевич пока сам не соображал, но уже верил в свои несказанные силы и попутно пролистывал все заваливавшиеся в голове мечты. Только мечты живут какой-то своей жизнью, а отсюда, из этой сатанинской дыры, надо было уносить ноги по добру по здоровью.

Все свои монастырские приключения писатель вспоминал на ходу, больше не разговаривая с шерпом ни о чём, и постарался забыть, что встретился в дацане с его дочерью. Ведь она же пришла в дацан сама, значит, и ушла сама. Куда? А кто её знает. Спроси у настоятеля храма. Она к нему пришла, он скажет.

Эти ответы и ещё тысячи других прокручивал в голове европейец на случай непредвиденных вопросов. Наступил вечер, но вопросов со стороны проводника никаких не было. Всё происходило как всегда – спокойно и чинно. До дзонга остался всего лишь один перевал и назавтра они с шерпом навсегда расстанутся. У каждого своя жизнь, каждый выбирает свою дорогу.

Алексей Николаевич лежал возле костра, потихоньку вёл мудрые и не очень разговоры с огнём, иногда поглядывая на шерпа. Общение между людьми всегда приносит ясность, или хотя бы понимание. Ведь никто не виноват в смерти девушки! А если уж искать виноватых, то почему настоятель натёкал рогов в подступах к статуе? Ведь благословение Далай-ламы должно быть безотказным послушанием для любого монастырского служителя. Почему же старенький монах не подчинился? Более того, он чуть не убил европейца, получившего благословение, а, значит, исполняющего волю богов. Что ж, этот тибетский архистратиг восстал против решения богов, за что поплатился жизнью.

Недалеко от костра писатель увидел откуда-то взявшийся деревянный щит, на который ложился тогда, в солярии дацана, а второй такой же взгромоздили сверху и намертво привязали его к этим кедровым доскам. Алексей Николаевич прекрасно помнил, что старик с девушкой, когда перевязывали многослойный деревянный бутерброд верёвками, над каждым очередным узелком читали нараспев какие-то свои мантры или заклинания. То же самое происходило и сейчас. Дуэт девушки и старичка на долгое время запал в сознание писателя. Те же молитвы, тот же скрипучий старческий голос и лёгкое нежное девичье подпевание. Так могли петь только старец вместе с Сюань-нянь. Но откуда они здесь взялись? Они же оба погибли?

Европейец тряхнул головой, и оказалось, что молитвы или мантры ему вовсе не приснились. Не приснились также и верёвки. Он всё так же лежал возле костра, но руки и ноги у него были накрепко связаны. Шерп подошел и безбоязненно вытащил из-под головы спелёнатого

верёвками европейца рюкзак с монастырской добычей. Голова Алексея Николаевича ударилась о камень, и он окончательно пришёл в себя.

– Ранг-ду, ты что делаешь? – прикрикнул путешественник на проводника. – Ты зачем меня связал? Ну-ка развяжи немедленно!

– Ты – лин-пош, – бесстрастно пояснил шерп. – Только ты мог вынести силу из дацана. Ты всё сделал, как надо.

– И я больше не нужен? Так? – хмуро заключил путешественник.

– Так, – кивнул проводник. – Я убивать тебя не буду. Нехорошо это. Погрейся пока у костра.

– А потом меня загрызут шакалы? – уточнил европейец. – Горного шакала не обманешь. Неужели ты можешь оставить меня здесь на растерзание этим мерзким тварям?

– У каждого своя судьба, – шерп закончил привязывать к грузовому седлу рюкзак, взял под узду переднюю лошадь, и, не спеша, двинулся к последнему перевалу. Дорога была ещё долгой, а рассвет уже близок. Зато там, в долине проводника ждут друзья и уважение за выполненную работу. Все теперь обязаны будут низко кланяться господину Ранг-ду. Что поделаться, у них судьба такая.

– Убей меня, собака! – в бешенстве закричал Алексей Николаевич вослед проводнику. – Убей меня, пёс поганый!

Шерп шёл не оборачиваясь. Лишь лошади тревожно прядали ушами, но послушно шли за человеком. Крики сзади скоро затихли: то ли европейец понял, что кричать бесполезно, то ли берёт силы для сражения с горными шакалами. А у них клыки острые, они человека быстро зарежут.

Дочь шерпа, Карамиса ли, должна была встретить белого у ворот храма, помочь овладеть силой и проводить до выхода. Если же европейец ни словом о ней не обмолвился, значит, девушки нет в живых. Каждый приходит в этот мир для того, чтобы умереть. Кто раньше умрёт, кто позже – какая разница? Для Ранг-ду потеря дочери не была каким-то безотрадным горем. Вовсе нет. Каждый в этом мире делает только то, что отпущено Богом.

Ведь его дочь после посещения священника в положенный для девочек день, чтобы стать женщиной, потом пришла к нему и заменила жену, давно ушедшую в другой мир. Карамиса ли или Сюань-нянь, то есть ласточка, как часто звал её Ранг-ду, сумела дать ему необходимую радость жизни. Она по ночам была даже намного ласковей, чем её мать. Откуда только научилась? Наверно, боги посылают женщине такое знание с детства.

У каждого своё время. Когда-то и Ранг-ду последует за дочерью. А теперь настал её черёд, она не вернулась из дацана. Мог ли девочку спасти европейец или же он – убийца? В этом скоро разберутся шакалы. Не часто им перепадает такой большой кусок мяса.

Стук лошадиных копыт и почти бесшумные шаги китайца растворялись в утреннем лёгком тумане. Словно предупреждение о скором визите хищных гостей под луной раздался далёкий тоскливый вой, в котором жалоба на полуголодное существование чередовалась с высокими нотами для возлюбленной. Неужели же шакалы знают, что такое любовь?

– Так. Спокойно. Только без паники, – пытался урезонить себя российский искатель приключений. – Жаль, место неудобное и довольно-таки продуваемое. Но что делать, что делать? Одно хорошо, подленький проводник забыл потушить костёр. Забыл или же специально оставил, чтоб человек подольше помучился?

Зло сплюнув, писатель принялся кататься возле костра, пытаясь как-то ослабить верёвки, но шерп знал своё дело, поэтому надежду на ослабление узлов пришлось скоро оставить. Действительно ведь, знал, как дольше жертву помучить. Что же делать? Что делать? У поганого проводника изощрённый вкус к садизму, но накося выкуси, нерусь! Не получится сегодня тибетскому шакалью отобедать человечинкой!

Мужчина подкатился к костру спиной и сунул руки в огонь. Только бы не закричать! Только бы вытерпеть! Вскорости резко запахло палёной кожей. А запах! Ну, точно как от поджариваемых ляжек отбегавшегося кабанчика! Недолго и до жареного мяса. Только бы не закричать! Но верёвки всё же поддались огню довольно быстро, даже руки не совсем ещё сильно обгорели. И сознание от боли не помутилось! Человек сжал и разжал кулаки. Получается!

– Я тебе, пёс поганый, харю на пятнадцать союзных республик порву! – зарычал писатель. – Я тебя научу по-русски свободу любить! Ты, пёс поганый, навеки запомнишь, как русов обижать!

Шерп, вероятно, никогда не слышал, что такое пятнадцать союзных республик и где они, но проклятие было произнесено таким тоном, что даже любой профессиональный палач пожалел бы шерпа, ибо его в действительности ожидало очень невесёлое будущее. В голосе европейца пылала такая невероятная ненависть, что любой живой ужаснулся бы, едва только услышав произнесённую русским писателем угрозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.